Центр лингвистических исследований мировой поэзии
Института языкознания Российской академии наук

Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля

поэзия латинской америки сегодня

составители
Наталия Азарова, Светлана Бочавер,
Кирилл Корчагин, Дмитрий Кузьмин

Москва
Культурная революция
2019

Редакционная коллегия
Наталия Азарова, Светлана Бочавер, Юлия Дрейзис, Кирилл Корчагин, Дмитрий Кузьмин

Поэзия Латинской Америки сегодня. — М.: Культурная революция, 2019. — 232 с.
ISBN

Поэзия Латинской Америки объединяет культурное пространство двух десятков стран и множества языков. У каждой страны на континенте есть свое лицо, у каждой национальной поэтической традиции — свои классики и столпы, свои институции, свои художественные и социальные приоритеты. И вместе с тем от Мексики до Аргентины латиноамериканская поэзия существует как единый мир, связанный отношениями притяжения и отталкивания с иберийскими культурами Европы и культурами коренных народов Америки. Большое место в этом многообразии занимает поэзия на иберороманских языках — испанском, португальском, а также на их гибриде — портуньоле. Русский читатель уже несколько десятилетий не имел возможности увидеть общую картину латиноамериканской поэзии — и вот теперь серия «Мировые поэтические практики» представляет такой панорамный взгляд: в антологии собран 41 поэт из 23 стран.

содержание

поэтический мир латинской америки: пересечение культур, языков и границ[1]

В 2017 году в серии «Мировые поэтические практики» была издана антология «Китайская поэзия сегодня», которая познакомила читателей с ведущими современными поэтами, пишущими по-китайски и живущими как в разных частях Китая, так и за его пределами. Настоящая антология ставит перед собой еще более сложную задачу: здесь представлены поэты не одной страны (пусть даже такой большой и разнообразной) и не одного языкового пространства. Таких стран двадцать три, а языков два — испанский и португальский, и хотя языки эти близки, а культура восходит к одним и тем же источникам, каждая страна все-таки обладает уникальной культурой и историей — в каждой из них своя поэзия. Поэтому в антологии не делается попытки исчерпать все это многообразное пространство, скорее, показать срез разных поэтик, манер и поэтических поколений, дающих представление о том, насколько разнообразна может быть поэзия региона.

Без латиноамериканской поэзии не было литературы XX века в том виде, в каком мы ее знаем. Само слово «модернизм» для обозначения особого литературного направления было впервые употреблено именно в Латинской Америке — никарагуанским поэтом Рубеном Дарио. А его современник кубинец Хосе Марти был не только заметным поэтом, но и основателем Кубинской революционной партии (1892). В XX веке три латиноамериканских поэта стали нобелевскими лауреатами — чилийцы Габриэла Мистраль и Пабло Неруда и мексиканец Октавио Пас. При этом Мистраль была не только первым лауреатом из Латинской Америки, но и первой женщиной-нобелиаткой. Другие — например, перуанец Сесар Вальехо, кубинец Хосе Лесама Лима или аргентинец Хорхе Луис Борхес, который писал не только короткие рассказы, но и сюрреалистические стихи, — считаются одними из самых влиятельных фигур в испаноязычной литературе. Отдельное место в литературе региона принадлежит Бразилии: бразильские поэты-конкретисты 1950—1960-х годов оказали огромное влияние на развитие неоавангардной поэзии во всем мире, став предвестием позднейшего расцвета концептуального искусства. И это если оставить в стороне прозу магического реализма в лице Габриэля Гарсиа Маркеса, Хулио Кор-

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН.

тасара, Карлоса Фуэнтеса, Марио Варгаса Льосы и других писателей, обретшую большую известность и связанную многими нитями с поэзией региона.

Младшее поэтическое поколение Латинской Америки в России известно гораздо хуже, хотя на международном фестивале «Биеннале поэтов в Москве» уже выступали некоторые его представители (их стихи включены в антологию). Также в настоящую книгу вошли стихи поэтов «среднего» поколения, например, чилийца Рауля Суриты, которые перебрасывают мост от поэзии поколения Неруды и Паса, колебавшейся между политически ангажированным искусством и сюрреализмом, к более молодым поэтам.

В современной латиноамериканской поэзии нет единого центра и общепринятой иерархии поэтов, а в каждой из стран региона развивается собственная литературная традиция, одновременно и включенная в большой иберо-романский мир, и работающая с локальной проблематикой. По-разному эти поэты обращаются и с существующим культурным наследием — как общеиспанским, так и наследием коренных культур, существенно различающимся в разных регионах. Наиболее яркий пример здесь — культура ацтеков: в отличие от многих других культур Латинской Америки, от ацтеков осталось довольно обширное литературное наследие на языке науатль, причем среди этих текстов много поэтических, остающихся на протяжении нескольких веков вызовом для поэтов, прежде всего мексиканских. Так, уже в XVII веке сестра Хуана Инес де ла Крус, литературное влияние которой впервые в истории Латинской Америки распространилось далеко за пределы континента, стремилась писать не только на испанском, но и на языке науатль. И до сих пор память о культуре ацтеков тревожит мексиканских поэтов (это можно увидеть, например, в стихах Али Кальдерона).

Проблема языка, в целом, одна из самых острых для Латинской Америки. Перед поэтами всегда стоит выбор между языком без ярко выраженных региональных черт (Харль Рикардо Бабот) и языком подчеркнуто локальным, передающим языковую специфику конкретной страны (Иоланда Пантин, Янко Гонсалес). Иногда на этом пути поэты заходят довольно далеко: например, парагвайский поэт Кристино Богадо активно использует язык гуарани, который в его стране признан государственным наравне с испанским. Другой пример — бразильский поэт Дуглас Диегес, который пишет стихи на особом португало-испанском языке с примесью гуарани («диком портуньоле»), распространенном вдоль западной границы Бразилии, где встречаются друг с другом испано- и португалоговорящие территории, а значительная часть населения разговаривает также на коренном языке гуарани[1].

[1] Примерно в те же отношения вступали друг с другом испанский и английский в поэзии «чикано» (то есть испано-американцев) — заметного культурного движения в поэзии США 1970-х годов.

Латинская Америка — место, где постоянно происходит взаимодействие разных культур, и поэзия оказывается одним из самых чувствительных и точных инструментов, позволяющих его зафиксировать. Причем речь идет не только о коренных народах: многие поэты связаны с другими культурами благодаря предкам-мигрантам, оказавшимся в Латинской Америке два-три поколения назад. Это обширная миграция не только из стран Западной Европы (Италии, Германии), но также из стран арабского мира (Ливан), бывшей Российской империи и т.д. Так, всемирно известный чилийский кинорежиссер и писатель Алехандро Ходоровски родился в еврейской семье, эмигрировавшей из Украины (к этой семейной истории он будет часто возвращаться в своих фильмах).

Современные латиноамериканские поэты сами часто живут в эмиграции — прежде всего, в Испании, но также и в других европейских странах или в США. Испанский или португальский язык вместе с широко распространенным знанием английского позволяет легко вливаться в европейскую культуру и легко возвращаться на родину. В этом латиноамериканские поэты отличаются от русских поэтов-эмигрантов, часто сохраняющих в законсервированном виде специфику русской культуры. Например, Роландо Санчес Мехиас родился на Кубе, а Эдгардо Добры в Аргентине, но оба живут в Барселоне, участвуя одновременно и в европейской, и в латиноамериканской поэтической жизни.

Все это противоречит образу Латинской Америки как территории, где время остановилось, а историю заменила мифология — таким регион выглядит в культовом романе «Сто лет одиночества», о такой Америке писал Октавио Пас, сравнивая ее с Индией, где ничего не меняется на протяжении столетий. Отзвуки такого мира можно найти и во многих стихах антологии (Хорхе Галан), однако в новейшей поэзии этот неподвижный мир встречается с глобальным миром, где номадизм и неоседлость сменяют былую статичность и неподвижность. Все это позволяет латиноамериканской поэзии быть современной, может быть, в большей мере, чем любой другой — тенденции, характерные для всего мира, проявляются здесь с наибольшей отчетливостью.

Если говорить о поэтике в целом, то латиноамериканская поэзия чуть менее литературоцентрична, чем в других регионах. Поэты ценят пристальное внимание к повседневной жизни, к чувствам, которые могут разделить друг с другом многие люди вне зависимости от их уровня образования или общественного статуса. Это часто политически ангажированная поэзия, которой не чужда социальная критика, нередко совмещающаяся с интересом к авангарду, позиции которого всегда были сильны в регионе, к формальным экспериментам. Латиноамериканские поэты озабочены теми же проблемами, что и весь мир — политическим лицемерием (Али Кальдерон), разрушительным продвижением капитализма (Нильтон Сантьяго), экологическими проблема-

ми (Жаклин Гольдберг), положением женщин (Хамила Медина). Другие размышляют о возможностях языка, его способности передавать новые смыслы в XXI веке, когда появляются на первый взгляд более эффективные и технологичные способы коммуникации (Марсио-Андре).

Поэзия Латинской Америки удивляет значительной ролью женщин: то, что первой нобелиаткой региона была Габриэла Мистраль, уже упоминалось выше, но, кроме того, самой яркой фигурой барочной мексиканской поэзии была именно женщина, сестра Хуана Инес де ла Крус (1648—1695). Современники называли ее десятой музой и мексиканским фениксом, а сейчас она изображена на банкноте 200 песо. В современной поэзии региона действуют множество женщин-поэтов, некоторые из них развивают феминистскую повестку и политическую поэзию, другие существуют в рамках иных поэтических направлений региона, не отделяя себя от поэтов-мужчин.

Другая черта, благодаря которой латиноамериканская поэзия особенно трудна для перевода на русский, — изобилие чувственных мотивов, эротической образности, пронизывающей многие стихи, даже не касающиеся напрямую любовной темы. Русские переводчики давно столкнулись с этой проблемой, и кажется это одна из основных причин того, что такой мастер латиноамериканской поэзии как Октавио Пас до сих пор недостаточно переведен на русский. Испанский язык способен передавать тонкие оттенки эмоций и состояний, на нем возможно пронизанное чувственностью письмо, которое с большим трудом дается русским поэтам. Отчасти настоящую антологию можно рассматривать и как новую попытку привить такой язык русской поэзии.

Интенсивность поэтической жизни в Латинской Америке беспрецедентна: существует огромное количество издательств, журналов и интернет-ресурсов, посвященных поэзии. Кроме того, в регионе распространены так называемые *talleres de poesia*, «поэтические мастерские», где учат не только писать, но и понимать поэзию. Это явление широко распространилось в связи с «латиноамериканским бумом» 1960—1970-х годов, когда сочинение стихов и прозы становится престижным и едва ли не основным компонентом национальной самоидентификации. Такие поэтические мастерские до сих пор существуют и занимают заметное место в культурной жизни региона, для которого привычна и очевидна идея о том, что писать и понимать поэзию не просто, и этому нужно учиться.

Возможно, именно поэтому в Латинской Америке больше, чем в других регионах, распространены большие поэтические фестивали, в которых участвует множество поэтов, причем часто поп-поэты и поэты близкие к академии выступают вместе, равно заинтересованные в том, чтобы найти точки пересечения друг с другом. В то же время, профессиональные поэты нередко работают в университетах, которые сами становятся центрами поэтической жизни и принимают решающее участие в организации таких фестивалей.

В эту книгу вошли стихи 41 поэта из 23 стран Латинской Америки, где используются в основном испанский и португальский языки. И хотя поэтов и стран здесь довольно много, книга все-таки не претендует на полноту — исчерпать всё поэтическое богатство региона не под силу одной антологии. Однако составители надеются, что она сможет показать, насколько богаты эти культуры и насколько продуктивным может быть обращение к ним в России. В книге собраны не только переводы, но и оригинальные стихи на испанском и португальском: это позволит читателю не только «проверить» переводчика, но и оставаться в постоянном контакте с другим поэтическим языком, который одновременно и близок к русскому и далек от него.

Наталия Азарова, Светлана Бочавер, Кирилл Корчагин

стихи

Ida Vitale / Uruguay

Mes de mayo

Escribo, Escribo, escribo
y no conduzco a nada, a nadie
Las palabras se espantan de mi
como palomas, sordamente crepitan,
arraigan en su terrón oscuro,
se prevalecen con escrúpulo fino
del innegable escándalo:
sobre la imprecisa escrita sombra…
me importa más amarte.

Oficio

Ser aceptada viva en esa logia
de muertos que están vivos,
los que supieron celebrar lo amado;
transfundirme esa sangre
que aún golpea
y, amor, enamorarme eternamente:
en torno de ti,
                fuente que no ceja,
seguir diciendo el vidrio de mi suerte,
el mercurio del miedo de perderte.

Libro

Aunque nadie te busque ya, te busco.
Una frase fugaz y cobro glorias

Ида Витале / Уругвай

Май-месяц

И пишу, и пишу, и пишу
и ни к чему никого не привожу.
Слова пугаются меня,
как соловьи, пощёлкивают глухо,
укореняются в свой тёмный ком земли
и в рост идут, с осторожным тщанием
бесспорного бесчинства:
превыше смутного, неточного письма
всего важнее мне любить тебя.

Ремесло

Быть принятой, пока живая, в ложу
к умершим, но оставшимся живыми,
умевшим воспевать то, что любили;
себе прилить всё ту же кровь,
она ещё кипит,
и, о любовь, влюбляться неустанно:
вокруг тебя,
                источник неуклонный,
немолчным удержать судьбы моей хрусталь,
живую страха ртуть — чтоб ты не перестал.

Книга

Никто уже не стремится к тебе, только я.
Одна летучая фраза, и уже много славы

de ayer para los días taciturnos,
en lengua de imprevistas profusiones.
Lengua que usa de un viento peregrino
para volar sobre quietudes muertas.
Viene de imaginaria estación dulce;
va hacia un inexorable tiempo solo.
Don que se ofrece entre glosadas voces,
para tantos equívoco, se obstina
en hundirse, honda raíz de palma,
convicto de entenderse con los pocos.

вчерашней, впрок, для новых безмолвных дней,
на языке непредвиденных изобилий,
оседлавшем странствующий ветер,
чтобы пролететь над смертным покоем.
Он приходит из вымышленной сладкой поры;
он уходит, одинокий, в неумолимое время.
Дар, упрятанный среди словарных значений,
для многих неоднозначен, он упорно
погружается вглубь, как пальмовый корень,
осуждённый за то, что столковался с немногими.

Перевод Дмитрия Кузьмина

Ernesto Cardenal / Nicaragua

Salmo 1

Bienaventurado el hombre que no sigue las
consignas del Partido
ni asiste a sus mítines
ni se sienta en la mesa con los gánsteres/
ni con los Generales en el Consejo de Guerra
Bienaventurado el hombre que no espía a su hermano
ni delata a su compañero de colegio
Bienaventurado el hombre que no lee los
anuncios
Comerciales
ni escucha sus radios
ni cree en sus slogans
Será como un árbol plantado junto a una fuente.

Con los lapones

Korvatonturi
la montaña donde vive Santa Claus
(les contestan a los niños del correo de Helsinki)
y yo anduve cerca
el Círculo Polar Ártico
tierra llena de arbolitos de Navidad
invitado por la ministra de Cultura
yo también ministro entonces a ver
el sol de medianoche
el 23 de junio.

Эрнесто Карденаль / Никарагуа

Псалом 1

Блажен муж иже не следует
лозунгам партийным
не сидит на собраниях подлых
ни с гангстерами за одним столом
ни с генералами на военном совете
Блажен муж иже своих ближних не выслеживает
на своих школьных друзей не доносит
Блажен муж иже не читает
реклам
коммерческих
ни по радио им не внимает
ибо лжи их не верит
И будет он как древо, посаженное при исходе вод…

Перевод Вячеслава Куприянова

У саамов

Корватунтури
гора, где живёт Санта-Клаус
(но детям пишут ответы на почтамте в Хельсинки)
и вот я гулял у самого
Арктического полярного круга
по земле, заросшей рождественскими елями
приглашённый здешней дамой министром культуры
я тоже тогда был министром
чтобы увидеть
полуночное солнце

El lugar de Finlandia más al norte
adonde se puede ir en avión
y después en auto
y después por un lago plateado
sin ningún habitante
hasta el sitio de reunión
de lapones con sus renos.
El lago plateado por el sol de las ocho de la noche
como el de las 3 de la tarde de mi tierra.
El cielo azul se veía más bajo
y las nubes en él más bajas
que en mi tierra.
¡Y los zancudos!
¡Ninguna comparación
entre los zancudos del trópico
en cantidad y voracidad
y los del ártico!
Sobre una alta roca
la silueta solitaria
de un reno.
Los lapones
tienen 1,000 palabras para el reno
reno macho, reno pequeño
reno pequeño macho, reno pequeño hembra
pero en finlandés sólo hay 10.
El sol de medianoche
o la noche sin oscuridad
Éste es el día de 24 horas de luz
(en el polo son 6 meses)
y el día de la reunión de renos
en una inmensa área deshabitada
para ser marcados por sus dueños
los nacidos ese año.
Con una avioneta vieja
arriados los renos.
Los renos con sus ramas
su ramazón
como con palos secos en la cabeza.
Los renos reunidos en un corral
corriendo
cuernos chocando contra cuernos

23-го июня.
Самая северная точка Финляндии
куда добираются на самолёте
и потом на машине
и потом через серебристое озеро
где никто не живёт
до самого места сбора
саамов со своими оленями.
Серебристое озеро под солнцем восьми часов вечера
подобным трёхчасовому пополудни в моей стране.
Голубое небо смотрелось ниже
и облака в нём ниже
чем в моей стране.
И комары!
Никакого сравнения
у этих полярных
с комарами тропиков
по количеству и прожорливости!
На той высокой скале
одинокий очерк
оленя.
У саамов
тысяча слов для оленя:
олень матёрый, олень небольшой
оленёнок-мальчик, оленёнок-девочка
впрочем, в финском слов только десять.
Полуночное солнце,
или ночь без тьмы
В этот день светло все 24 часа
(а прямо на полюсе все шесть месяцев)
и это день сбора оленей
со всего огромного необитаемого района
чтобы владельцы пометили
родившихся за год.
Оленей везут
небольшим самолётом.
Олени ветвисты
эти ветви рогов
будто сухие палки на головах.
Оленей собирают в загон
они мечутся

en apiñado rebaño
todos con balidos suaves de niños
y los chiquitos en aquel tumulto
perdiendo a sus madres
y otra vez encontrándolas
al olerías
y volviéndolas a perder.
Vastedad infinita de coniferas chiquitas
de un verde triste
en la luz melancólica del crepúsculo.
Pero con coloridos vestidos los lapones
los niños como príncipes.
Nos habían hecho una tienda de piel de reno
para pasar la noche
el piso de tierra cubierto de ramitas.
Afuera una hoguera
en que asábamos trocitos de reno seco
ensartados en ramitas de abeto
y que comíamos quemándonos las manos.
Un viejo lapón
como un indio miskito
le dijo a la ministra me dijo ella
que se quería acostar con ella
(no sabía que ella era ministra)
El sol rojo no se hundió
totalmente
en el horizonte.
Bebíamos una bebida alcohólica
que no sé qué era.
Decir con las cosas no con ideas
decía William C. Williams.
Del viaje a aquel día sin noche
son estas cosas.

бьются треща рога о рога
в скученном стаде
детёныши слабо блеют
и в этакой суматохе
малыши теряют своих матерей
и находят снова
уже в ограде
и теряют опять.
Бесконечные пространства крохотных елей
их печальная зелень
в меланхолическом свете сумерек.
Однако наряды саамов цветные
их дети как принцы.
Мы растянули навес из оленьей шкуры
чтобы провести ночь
на устланном ветками земляном полу.
У костра
где мы жарили кусочки сухой оленины
нанизав на еловые веточки
и пожирали их обжигая руки.
Старик-саам
похожий на индейца-мискито
сказал министерше, а она рассказала мне
что хотел бы лечь с ней
(он не знал, что она министр)
Красное солнце так и не погрузилось
целиком
в горизонт.
Мы пили что-то спиртное
незнакомое.
Говорить вещами, а не идеями,
сказал Уильям Карлос Уильямс.
Из путешествия в тот день без ночи
вот эти вещи.

Перевод Дмитрия Кузьмина

Eduardo Lisalde / México

Tigre

Hay un tigre en la casa
que desgarra por dentro al que lo mira.
Y sólo tiene zarpas para el que lo espía,
y sólo puede herir por dentro,
y es enorme:
más largo y más pesado
que otros gatos gordos
y carniceros pestíferos
de su especie,
y pierde la cabeza con facilidad,
huele la sangre aun a través del vidrio,
percibe el miedo desde la cocina
y a pesar de las puertas más robustas.
Suele crecer de noche:
coloca su cabeza de tiranosaurio
en una cama
y el hocico le cuelga
más allá de las colchas.
Su lomo, entonces, se aprieta en el pasillo,
de muro a muro,
y sólo alcanzo el baño a rastras, contra el techo,
como a través de un túnel
de lodo y miel.
No miro nunca la colmena solar,
los renegridos panales del crimen
de sus ojos,
los crisoles de saliva emponzoñada
de sus fauces.
Ni siquiera lo huelo,

Эдуардо Лисальде / Мексика

Тигр

В моём доме завёлся тигр.
Чуть что — и располосует!
Разорвёт кишки на мелкие клочья —
Только на него глянешь.
Попробуй подойди —
Получишь сокрушительный удар лапой!
Он умеет раздирать изнутри,
Именно изнутри,
И он — огромен!
Он крупней и весомей
Всех толстомясых кошачьих,
Зловонней всех плотоядных,
Кровожадней всех хищных в своём семействе.
Он чувствует кровь даже через стекло,
Улавливает дрожь страха через стену,
Самая крепкая кухонная дверь ему не помеха.
Как правило по ночам он немыслимо вырастает
В размерах,
Кладёт гигантскую башку допотопного тираннозавра
На мою постель — во всю ширину матраца —
Так что морда свешивается с другой стороны,
А туловище занимает полностью весь коридор —
От стенки до стенки — не развернуться,
И, если приспичит, я вынужден ползти в сортир
На карачках,
Под ним — словно в вонючем туннеле
С густым медовым отсветом по бокам.
Я никогда не поднимаю взгляда
Ни к солнечным сотам его глаз,

para que no me mate.
Pero sé claramente
que hay un inmenso tigre encerrado
en todo esto.

Revolución

Revolución, tiendo la mano
y a veces me la muerdes.
Soy individualista,
pero el mundo no es bello.
Sólo el idiota, el loco y el canalla
piensan que el mundo es un jardín
donde florece una esmeralda
con sabor a durazno.
Mira, yo estoy contigo, en serio.
¿Cómo han de herirte a ti,
piedra del siglo,
unas palabras mías?
Ni los tiranos más abyectos han caído,
jamás, por la literatura.
Escucha: come un poco, tranquila,
de mi mano.
No es veneno esta pobre palabra deprimente,
de zorra enferma,
que te doy.

Где роятся преступные замыслы,
Ни к смрадному тиглю пасти,
Где кипит и пенится ядовитая слюна.
Я затаиваю дыхание,
Чтобы он не убил меня,
И ни минуты не сомневаюсь:
Он здесь, огромный тигр,
Запертый со мной
В одном доме.

Революция

Революция, только протяну к тебе руку,
А ты возьмёшь да и тяпнешь!
Конечно, я индивидуалист,
Человек — сам по себе.
Всё же и я знаю:
Мир не идеален.
Только полный придурок,
Псих и конченый паразит
Вызовется утверждать, что вокруг райские кущи,
Где на ветвях зреют изумруды,
А пахнет магнолией.
Послушай, революция, я твой!
Неужто тебя в каменной броне столетий
Способно задеть моё бедное слово?
В конце концов, литература как таковая
За всю историю не сбросила с престола ни одного
Тирана…
На-ка поешь с руки!
Да не бойся ты — не отрава: всего лишь чириканье
Старого стреляного воробья.
Ну, подойди, не скалься…
Ешь… ешь…

Перевод Натальи Ванханен

Ana María Rodas / Guatemala

* * *

De acuerdo
soy arrebatada celosa
voluble
y llena de lujuria

¿Qué esperaban?

¿Que tuviera ojos
glándulas
cerebro treinta y tres años
y que actuara
como el ciprés de un cementerio?

* * *

Un demonio igual al tuyo me recorre en el día
y se enrosca sobre mi lado izquierdo
cuando en cualquier momento mi cuerpo busca
incrustarse en el sueño
Es un demonio absurdo cínico violento
que se tiñe de azul de verde de morado
igual al tuyo
                Sólo que tiene pechos

Ана Мария Родас / Гватемала

* * *

Ну хорошо
я гневлива   ревнива
ветрена
исполнена похоти

А чего ж вы хотели?

Чтобы я со своими глазами
железáми
мозгами   тридцатью тремя годами
вела себя
как туя на кладбище?

* * *

Такой же демон как твой   целый день блуждает
во мне а потом сворачивается слева
как только вздумается моему телу
в сон облачиться
Жестокий   циничный   неблагоразумный демон
окрашенный синим   зелёным   даже пурпурным
такой же как твой
                Но с грудью

* * *

La gramática miente
/como todo invento masculino/
Femenino no es género   es un adjetivo
que significa inferior inconsciente utilizable
accesible fácil de manejar
desechable   Y sobre todo
violable   Eso primero antes que cualquier
otra significación preconcebida

Animal que despierta

Soy la gata que camina dentro de mí
conmigo
las leves zarpas afelpadas
He bajado por el río
conservando el gusto por la caza
los ambiguos maullidos

Cuando cierro los ojos atravieso los siglos

Las arenas le dieron el color
a esta piel suave que esconde
una flor mojada entre las fauces
el oro egipcio se ve reflejado en la pupila
de esta gata
que demasiadas veces
recuerda su verdadera condición de fiera

La Reina de Saba habría dado la mitad de sus tierras
por tener estas garras

* * *

Грамматика врёт
(как всякое мужское изобретение)
Женский — не род   Это прилагательное
и значит оно подчинённый   неосознанный
годный к употреблению
доступный   простой в управлении
одноразовый   и прежде всего
насилуемый   Это первый пункт
за которым идёт другое
предзаданное значение

Зверь просыпается

Я кошка, гуляющая во мне
у меня
бархатные мягкие лапы
Спускаюсь к реке
как прежде, любительница охоты
мяукая неоднозначно

Когда закрываю глаза, скольжу сквозь века

Пескам обязана цветом
эта нежная шкурка прячущая
влажный цветок между челюстей
золото пирамид отразилось в зрачке
этой кошки
слишком часто
припоминающей свою хищную суть

Царица Савская отдала бы полцарства
за такие когти

Перевод Дмитрия Кузьмина

Jarl Ricardo Babot / Panamá

* * *

Quiero colgar tus ojos
de alguna puerta
como si fuesen un faro
para guiar las estaciones.

(Nadie sabe con certeza
qué significa un poco
de arena).

(Yo bailo sobre ella;
cuatro siglos
y una torre).

(Un enano del siglo XVI
me regala una ciruela).

Algún libro pintaré esta noche
con las letras del amor

que sube.

* * *

No sabría decirte con exactitud
cuando cambío el mundo.

Quiero decir
en qué momento me puse tus zapatos

Харль Рикардо Бабот / Панама

* * *

Я бы повесил твои глаза
хоть на какую дверь,
будто они маяк
для времён года.

(Никто не знает точно,
что́ значит какая-то малость
песка.)

(Я танцую на нём;
четыре столетья
и одна башня.)

(Карлик XVI века
преподносит мне сливу.)

Что за книгу намалюю этой ночью
буквами любви

восходящей.

* * *

Я б не сказал тебе точно,
когда я меняю мир.

Скажу лишь,
когда именно натянул твои сапоги

(esos tus grandes pies
desnudos)
para escalar

la sonrisa de la vida.

La ausencia

Esa campana que creció en la ventana
hasta reventar
en olas.

Una calle en la que nunca estuve
los saludos
a las piedras
es decir

a tantos ojos.

* * *

Rueda la voz
y es acero. Y vino
y queso agrio.

Omnipotente canto
el de los hombres
a pesar de sus costillas

ya rotas.

(вот они, твои огромные ноги
голые),
чтобы залезть

на улыбку жизни.

Перевод Дмитрия Кузьмина

Отсутствие

Этот колокол, который рос в окне
пока не раскололся
в волны.

Улица, на которой я никогда не бывал
поклоны
каменьям
то бишь

множеству глаз.

Перевод Дмитрия Кузьмина при участии Наталии Азаровой

* * *

Докатился голос
и он сталь. И вино
и прокисший сыр.

Всесильная песнь
та людская,
хотя их рёбра

уже переломаны.

Перевод Наталии Азаровой

Raul Zurita / Chile

* * *

Como en un sueño, cuando todo estaba perdido
Zurita me dijo que iba a amainar
porque en lo más profundo de la noche
había visto una estrella. Entonces
acurrucado contra el fondo de tablas del bote
me pareció que la luz nuevamente
iluminaba mis apagados ojos.
Eso bastó. Sentí que el sopor me invadía:

A las inmaculadas llanuras (I)

i. Dejemos pasar el infinito del Desierto de Atacama

ii. Dejemos pasar la esterilidad de estos desiertos

Para que desde las piernas abiertas de mi madre se
levante una Plegaria que se cruce con el infinito del
Desierto de Atacama y mi madre no sea entonces sino
un punto de encuentro en el camino

iii. Yo mismo seré entonces una Plegaria encontrada
en el camino

iv.Yo mismo seré las piernas abiertas de mi madre

Para que cuando vean alzarse ante sus ojos los desoaldos
paisajes del Desierto de Atacama mi madre se concentre
en gotas de agua y sea la primera lluvia en el desierto

Рауль Сурита / Чили

* * *

Как во сне когда уже ничего нельзя исправить
Сурита сказал мне всё успокоится
ведь он уже там в глубине ночи
видел одну звезду. Тогда
я скорченный на дощатом дне лодки
казалось увидел как свет заново
мне брызнул в закрытые глаза
На этом всё. Я провалился в забытьё:

Непорочным равнинам (I)

I. Пропустим это бесконечное пустыни Атакамы

II. Пропустим стерильность этих пустынь.

Чтобы из раздвинутых ног моей матери
поднялась Молитва и столкнулась с бесконечным
Пустыни Атакама а моя мать была бы тогда лишь
местом встречи в пути

III. А сам я буду тогда повстречавшейся в пути
Молитвой

IV. Я буду тогда раздвинутыми ногами матери

Чтобы когда перед вами встанут иссушенные
виды Пустыни Атакама моя мать собралась бы в
капли и пролилась бы первым дождем в пустыне

v. Entonces veremos aparecer el Infinito del Desierto

vi.Dado vuelta desde sí mismo hasta dar con las piernas
de mi madre.

vii. Entonces sobre el vacío del mundo se abrirá
completamente el verdor infinito del Desierto de

El desierto de Atacama (III)

i. Los desiertos de atacama son azules

ii. Los desiertos de atacama no son azules ya ya dime
lo que quieras

iii. Los desiertos de atacama no son azules porque por
allá no voló el espíritu de J. Cristo que era un perdido

iv. Y si los desiertos de atacama fueran azules todavía
podrían ser el Oasis Chileno para que desde todos
los rincones de Chile contentos viesen flamear por
el aire las azules pampas de Desierto de Atacama

Diálogo de Chile

Verás un mar de piedras
Verás margaritas en el mar
Verás un Dios de hambre
Verás el hambre
Verás figuras como flores
Verás un desierto
Verás el mar en el desierto
Verás tu odio
Verás un país de sed
Verás acantilados de agua
Verás nombres en fuga
Verás la sed
Verás amores en fuga
Verás el poco amor

V. Тогда перед нами и появится Бесконечное Пустыни

VI. От самого себя развёрнутое до столкновения с ногами матери

VII. Тогда над пустотой мира полностью
раскроется бесконечная зелень Пусты

Пустыня Атакама (III)

I. Пустыня Атакама синяя

II. Пустыня Атакама не синяя теперь теперь ты можешь
возражать сколько угодно

III. Пустыня Атакама не синяя потому что там не
пролетал дух И. Христа, ведь он потерялся

IV. И если бы Пустыня Атакама была синей, она все-таки
могла бы стать Чилийским Оазисом чтобы довольные со всех
концов Чили смотрели как полыхают в воздухе
синие пампасы Пустыни Атакамы

Диалог о Чили

Ты увидишь море камней
Ты увидишь в море маргаритки
Ты увидишь Бога голода
Ты увидишь голод
Ты увидишь лица как цветы
Ты увидишь пустыню
Ты увидишь в пустыне море
Ты увидишь свою злость
Ты увидишь страну жажды
Ты увидишь скалы воды́
Ты увидишь беглые имена
Ты увидишь жажду
Ты увидишь беглую любовь
Ты увидишь нехватку любви

Verás flores como piedras
Verás sus ojos en fuga
Verás cumbres
Verás margaritas en las cumbres
Verás un día blanco
Verás que se va
Verás no ver
Y llorarás

Ты увидишь цветы как камни
Ты увидишь их беглые глаза
Ты увидишь вершины
Ты увидишь на вершинах маргаритки
Ты увидишь белеет день
Ты увидишь уже нет
Ты увидишь что не видишь
И заплачешь

Перевод Наталии Азаровой

Javier Campos / Chile

Nosotros los de entonces

Dónde estarán los amigos del pasado.
Aquel que me dijo leyera a Lenin y El Capital.
O aquellos que en las tardes insubstanciales de un pueblo del sur
me invitaban a leer poesía tomando vino dulce y fumando mariguana .
O aquella bella muchacha que a las 8 de la noche en verano
me hacía señas de su balcón
y yo en la esquina de la calle mirándola con un libro bajo el brazo
a la que nunca hablé , a la que se la tragó la vida.
Dónde estarán los otros amigos que trabajaban en una fabrica
y allí envejecieron o desaparecieron en una isla,
en un campo de concentración.
Dónde estarán las bellas muchachas de piernas color del durazno.
Esas que nos llamaban para que nadáramos en el mar junto a ellas.
Les tocáramos sus senos, las besáramos en sus labios color de las cerezas.
Dónde estará aquel que tenía un único abrigo para el frío
y se paseaba por la plaza del pueblo leyendo a los poetas malditos.
Y aquel que tocaba la guitarra cantando canciones de protesta
dicen que está enterrado en el fondo del mar
amarrado a una piedra con cadenas.
A dónde se fue aquella edad cuando íbamos a construir
un Universo igual para todos.
Ahora somos otra vez esos muchachos y muchachas que repiten lo mismo.
A lo mejor somos de nuevo todos ellos que volverán a leer los mismos libros,
ver las misma películas, repetir las mismas canciones,
encandilarse con hombres de barbas con una estrella en su boina,
que les susurrarán meterse en una selva con un fusil
y dar la muerte para cambiar la vida.
Quizá no

Хавьер Кампос / Чили

Мы из тех времен

Где теперь друзья прошедших лет.
Тот, что собирался прочесть „Капитал“ и Ленина.
Или те, что призрачными южными ночами
Звали меня почитать стихи под сладкое вино и марихуану.
Или та незнакомая красотка, что как-то летом, в 8 часов утра,
Чуть заметно махнула мне рукой с балкона,
И я — на углу дома с книжкой в руке, глядящий на нее,
Так и не сказавший ни слова той, что потом исчезла в тумане лет.
Где же мои друзья, что трудились на фабрике
И там же состарились или вовсе сгинули на острове,
В концентрационных лагерях.
Что же стало с тем, кто прежде был коммунистом,
А затем обратился в Свидетеля Иеговы и читал
проповеди на той же городской площади,
старея над библейскими писаниями.
А где же тот, что собирался стать великим режиссером,
Но умер от пневмонии, и три недели спустя его нашли
Сидящим на стуле и глядящим на море через окно своей комнаты.
Где же те красавицы с ногами цвета персика.
Те, что зазывали нас купаться,
И мы ласкали их груди и целовали вишневые губы.
Где же тот чудак, что носил теплое пальто
И гулял по городской площади, читая проклятых поэтов.
Где теперь тот красавец, мечта всех девушек,
Что посылали ему записки
И прекрасные розы, презрев все условности.
А он предпочел им художника, с которым уехал жить в далекие страны.
А где теперь тот, что пел под гитару песни протеста.
Говорят, что он похоронен на морском дне,

Por cierto que volverán amar a las mismas muchachas
o a los mismos muchachos.
Acariciarse en la arena caliente, tocarse sus cuerpos desnudos bajo
el agua del mar.
Algunos volverán a desaparecer en la misma isla.
Meterlos en horrorosos campos de concentración.
O serán lanzados otra vez al mar con la misma piedra,
encadenados para que nunca más puedan regresar.
O Quizás no
Nosotros los de entonces, rejuvenecidos por la nostalgia,
seguiremos siendo los mismos.
Quizás si
Quizás ya nunca más

Прикованный цепями к тяжелому камню.
Куда ушло то время, когда мы хотели создать мир,
В котором все равны.
Теперь мы снова те же мальчики и девочки с теми же желаниями,
И снова, как тогда, мы будем читать те же книги,
Смотреть те же фильмы и петь те же песни,
Представляя себя бородатыми мужчинами со звездочкой на берете,
Мы, грезившие уйти с винтовкой в сельву,
Чтобы принять смерть во имя новой жизни.
Мы наверняка будем любить таких же мальчиков и девочек,
Ласкать их на раскаленном песке и прижимать к себе
под водой их обнаженные тела.
Некоторые снова исчезнут на том же острове,
Сгинув в страшной плавильне концлагерей,
Или их бросят на дно с тем же камнем,
Прикованных, чтобы они никогда не смогли вернуться.
Мы из тех времен, помолодевшие от ностальгии,
Но оставшиеся теми же навсегда.

Перевод Жанны Тевлиной

Yolanda Pantín / Venezuela

El día que salí a cazar gatos

Me encontraba ante el umbral
despierta bajo sombras
dormidas cuando
las cosas fueron apareciendo.

Tenaces depredadores
avanzaron atravesando
restos mudos
de asombro; en su andar,

dejaban atrás espejos
como derrumbes,
sobre la marcha,
escombros.

Hasta la fuente llegaron
de los hechos
donde maléficos
urdieron
magnicidio.

Todo estaba en su sitio,
en el bosque
con nudos amarrados,
pero ellos

por el corredor
continuaron de la muerte
en su adentrar espeso.

Иоланда Пантин / Венесуэла

В тот день я вышла охотиться на кошек

Я стояла на пороге
проснувшись под сонными
тенями когда
вещи начали проявляться.

Цепкие хищники
шли вперед пересекая
немые остатки
удивления; продвигаясь
они оставляли позади зеркала́
как обрушения,
по пути,
отходы.

Они добрались до источника
данных
где злоумышленники
замыслили
убийство правителя.

Все было на своих местах,
в лесу,
с завязанными узлами,
но они

по длинному коридору
продолжали о смерти
в своём назойливом движении вглубь.

Paraguaná

Para matar a la culebra
por la cabeza

hay que atravesar un istmo muy estrecho
de manera que es posible ver
a ambos lados el mar cercándolo.

Un mar blanco, con pequeñas olas apagadas.

Los hombros que se desprenden
parecen sostener a la republica
de la que es parte la cabeza
que se inclina hacia el mar.

Domina el paisaje, como los ojos
al cuerpo, la refinería.

No respira un alma.

Los restos de basura que trae el viento
y deja entre los cardones y mogotes de cujíes
parecen, bajo estos vendavales,

estruendosos, trepidantes banderines.

Fidelidad

> Vivía inútilmente leyendo los periódicos
> pensado en el enigma del poder
> y en las causas de la obediencia.
> *Adam Zagajewski*

A las preguntas
que hemos transitado
a lo largo de estos años
y quedan sin responder
huérfanas;

Парагуана

Чтобы убить змею
с головы

нужно пересечь узенький перешеек
так чтобы море было видно
с обеих сторон.

Белёсое море с небольшими угасающими волнами.

Плечи откалываются
они вроде бы подпирают республику,
часть которой голова,
и она наклоняется к морю.

Она главенствует в пейзаже как глаза
в теле,   нефтепереработка.

Ни одной живой души.

Остатки мусора, которые гоняет ветер
и оставляет среди кактусов и кустиков мескита,
кажутся бойкими

трепещущими в порывах ветра флагами.

Верность

> Жил, бессмысленно читая газеты
> думая о загадке власти
> и о причинах покорности.
> *Адам Загаевский*

Вопросам
которые мы пронесли
через все эти годы
и они остались без ответа
сиротами;

a los posos

cuando «algo» viene desde
un resto antiguo que
azuza el temor
con cristos
en los cruces de caminos;

a los vampiros;

a las pesadillas recurrentes;
a los olvidos
sumidos en pobreza
y astuta sumisión; a los trazos
que nos dicen

de la mano de un niño
sobre un mapa
socorrido, y

al intento de comprender.

накипи

когда «что-то» всплывает
из древней памяти
и дразнит ужасом
распятиями
на развилках дорог;

вампирам;

непроходящим ночным кошмарам;
забвениям
погружённым в бедность
и лукавую покорность; нетвёрдым линиям
которые выдают

детскую руку
на плане
эвакуации, и

попытке понимания.

Перевод Наталии Азаровой

Rolando Sánchez Mejías / Cuba

Jardin Zen de Kyoto

Sólo un poco de grava inerte
quizá sirva para explicar
(al fin como metáfora vana)
que la dignidad del mundo consiste
en conservar para sí
cualquier inclemencia de ruina.

El monje
cortésmente inclinado
quizá también explique
con los dibujos del rastrillo
que no existe *el ardor*,
solamente el limpio espacio
que antecede a la ruina.

Alrededor del jardín
en movimiento nulo
de irrealidad o poesía
pernoctan
en un aire civil de turistas y curiosos
sílabas de sutras, pájaros que estallan sus pechos
contra sonidos de gong. Todo envuelto
en el halo de la historia
como en celofán tardío.

El lugar ha sido cercado:
breves muros y arboledas
suspenden la certeza
en teatro de hielo.

Роландо Санчес Мехиас / Куба

Сад камней в Киото

Только горсть гравия отрешенного
может быть, служит для объяснения
(в итоге став бесполезной метафорой)
что достоинство мира состоит
в сохранении для себя
хотя бы отчасти суровости разрушения.

Монах
склонившись учтиво
может объяснить тоже
начертив граблями
что не существует *горения*,
есть только расчищенное пространство
что предшествует разрушению.

Вкруг сада
в движении нулевом
ирреальности или поэзии
ночуют
в воздухе повседневности туристов и любопытных
слоги сутры — птицы, что бьются грудью
о звуки гонга. Все завернуто
в ореол истории
словно в запоздалый целлофан.

Место когда-то огородили:
короткие стены и аллеи
поддерживают уверенность
в ледяном театре.

La cabeza rapada del monje
conserva la naturaleza de la grava
y de un tiempo circular, levemente
azul: cráneo de papel
o libro muerto
absorbe el sentido
que puede venir de afuera.

En la disposición de las grandes piedras
(con esfuerzo
pueden ser vistas
como azarosos dados de dioses

en quietud proverbial)
tampoco hay *ardor*. Sólo un resto
de cálida confianza
que el sol deposita
en su parodia de retorno sin fin.

La muerte
(siempre de algún modo poderosa)
podría situarnos
abruptamente dentro
y nos daría, tal vez,
la ilusión del *ardor*.

Como mimos, entonces,
trataríamos de concertar
desde el cuerpo acabado
el *ninguna parte donde hay ardor alguno*
en el corazón secreto
que podría brindar el jardín.

Pero hay algo
de helada costumbre
en el jardín
y en el ojo que observa.

Es posible que sea el vacío
(¿por fin *el vacío*?)
o la ciega intimidad

Бритая голова монаха
хранит естественность гравия
и вращение времени слегка
синеватого: бумажный череп
или мертвая книга
поглощают смысл
что приходит снаружи.

В расположеньи больших камней
(с усилием
можно увидеть
игральные кости богов

в так называемом покое)
также нет *горения*. Только след
снисходительного тепла
что солнце оставило
в своей пародии вечного возвращения.

Смерть
(властная, как обычно)
могла бы перенести нас
внезапно внутрь
и давала бы, вероятно,
иллюзию *горения*.

Словно мимы, тогда,
мы попытались бы
из бренных тел составить
то *нигде, где есть какое-то горение*
в потаенном сердце
что открыл бы нам сад.

Но хранят какую-то
ледяную привычность
этот сад
и глядящее око.

Это может быть пустота
(*наконец пустота?)*
или слепая нежность

con que cada cosa responde
a su llamado de muerte.
Y esto se desdibuja
con cierta pasión
en los trazos del rastrillo,
junto a las pobres huellas del monje,
entre inadvertidas cenizas de cigarros
y otras insignificancias
que a fin de cuentas
en el corazón del jardín
parecen caídas del cielo.

Arqueología

Encontraron, al fondo de los túneles, ratas de metro y medio de largo.

Las alumbraron con linternas (los rusos dijeron *epa, epa!*) y las ratas huyeron, bamboleantes y caóticas, sus ojitos rojos heridos por la luz.

Uno de los rusos pidió vodka y otro le dio vodka y entonces dijeron algo acerca de la realidad.

Pound

Cuando tomaba sopa
Le brillaban más intensamente los ojos

Hizo o rehizo
Poemas chinos y leyó a los griegos
Y a Guido (Cavalcanti) y
a su amado Propercio.

Quería versos fuertes,
Vigorosos.

Casi
Cosas.

с которой каждая вещь отвечает
на свой призыв смерти.
И она растворяется
с несомненной страстью,
в бороздах грабель,
в скромных следах монаха,
среди случайного пепла сигар
и других незначительностей
которые наконец
в сердце сада
кажутся упавшими с неба.

Перевод Владимира Аристова

Археология

В глубине туннелей обнаружились крысы полутораметровой длины.

Осветили их фонарями (русские повторяли *здоров, здоров*), и крысы удрали, шатаясь и тыркаясь, их красные глазки уязвлены светом.

Один из русских спросил водки, второй хватил сам и дал тому, а потом они кое-что сказали насчёт реальности.

Перевод Дмитрия Кузьмина

Паунд

Когда хлебал он свой суп
Ярче всего светились его глаза

Переписывал или переводил
Стихи китайские, греков читал
И Гвидо (Кавальканти) и
своего сердечного друга Проперция.

Требовал сильных строчек
Прочнейших

Почти
Вещей

Sin olvidar:
Música,
destreza
    y dicción.

T. S. Eliot dijo de él:
“Il miglior
fabro”.

Robert Graves:
“Un *pedante*
desvergonzado”.

Ginsberg (que lo visitó
Y pidió su bendición):
“Nos enseñó
el camino”.

Con los años su barba gris
Se parecía y no se parecía a las demás.

Desbarró contra la usura
Y contra una porción de la raza

La guerra terminó
Y lo encerraron en una jaula
(1.80 x 2m) iluminada
Por un reflector.

«No apto para ser juzgado:
          mentalmente
    insano.”

En el manicomio de San Elizabeth
Tiempo de sobra (12 años) para escribir
Y practicar
                    el silencio.

(«La belleza
      no es locura»)

Не-забывая:
      Музыку,
            искусность
                  и звучание слов

Т. С. Элиот сказал о нем:
«Лучший
        кузнец»

Роберт Грейвз:
«*Педант*
        бесстыдный»

Гинзберг (что пришел к нему
за благословением):
«Он указал
          нам путь»

С годами его борода седая
Становилась иной чем у других

Заблуждался о ростовщиках
И о части человеческой расы

Война закончилась
И его поместили в клетку
(1.80 x 2м) освещенную
Прожектором.

«Не подлежит суду:
      психически
      нездоров»

В психбольнице Святой Елизаветы
Времени было достаточно (12 лет) чтобы писать
И практиковаться
                                    в молчании.

(«Красота
    не есть безумие»)

Inventario:
1 caja de galletas
7 pañuelos
4 toallas
11 camisetas
2 pares de pantuflas
6 pares de medias
1 par de zapatos
2 camisas
1 par de calzoncillos
Y otras menudencias
Más.

Murió a los 87 años.

Canto CXX:
Quise escribir el Paraíso
No os mováis
    Dejad hablar al viento

            Ése es el Paraíso

Опись имущества:
1 пачка печенья
7 носовых платков
4 полотенца
11 маек
2 пары тапочек
6 пар чулок
1 пара ботинок
2 рубашки
1 пара кальсон
И другие мелочи
Еще.

Он умер в 87 лет.

Песнь CXX:
Я пытался написать Рай
Не двигайтесь
    Пусть говорит ветер
            Это и есть Рай.

Перевод Владимира Аристова при участии Екатерины Задирко

Patricia Guzmán / Venezuela

* * *

Estoy segura de mis miserias (Son mías)
Lo más carne de mi corazón
Por lo bajo de esa carne aprendí a comer
Por lo bajo de esa carne aprendí a cantar
(Mis ojos están acostumbrados a guardar a guardar a guardar)
He jurado no quitarme el collar de perlas
No vaya a ser que me quedé quieta cuando se abra el cielo
No vaya a ser que la flor sea perfecta
No vaya a ser que se me cierren los párpados
El corazón mío me devolverá
Estoy segura de mis miserias (Son mías)
Ave apurada
Ave de mí

* * *

Demórase mi alma en florecer
Necesita un cielo más alto
Conservar el secreto en la claridad
Es posible que le falte prudencia
Acomodarse a lo que es sensato
No gozar de subir a tener este amor perfecto
Debo estar ocupada en cosa de provecho para el alma
Desasimiento grande el mío
No es fácil soportar la visión y el acontecer mismo del amor
Debo repetir una oración mental
Debo repetir una oración mental
Hago demasiado caso de mí misma

Патрисия Гусман / Венесуэла

* * *

Я не сомневаюсь в своих страданиях (Они мои)
И особенно в плоти моего сердца
Потихоньку у этой плоти я научилась есть
Потихоньку у этой плоти я научилась петь
(Мои глаза приспособлены сохранять, сохранять, сохранять)
Я поклялась не снимать жемчужное ожерелье
Не бывать тому, чтобы я замерла, когда небеса распахнутся
Не бывать тому, чтобы цветок был безупречен
Не бывать тому, чтобы веки мои сомкнулись
Моё сердце меня извергнет обратно
Я не сомневаюсь в своих страданиях (они мои)
Птица измученная
Птица-я

* * *

Задержись, душа моя, расцветая
Пусть это небо слишком высокое
Хранит в своей ясности тайну
Может, ему недостаёт здравомыслия
Приноровиться к тому, что благоразумно
Не наслаждаться восхождением к этой прекрасной любви
Я должна занять себя на потребу души
Отречение моё велико
Вынести нелегко любовь, её вид, её наступление
Я должна повторять мысленную молитву
Я должна повторять мысленную молитву
Я не должна столько думать сама о себе

Перевод Дмитрия Кузьмина

Edgardo Dobry / Argentina

* * *

La ciudad, de noche,
plantación abandonada.
Bronceado de mitología
vuelve de la biblioteca

y ahora sabe que se puede
caer al cielo como a un pozo.
Un poema no tiene nada que ver
—se dice pero nada que ver con—
el espíritu, un poema es una plusvalía,
aspiración imprescriptible.

En el cielo nítido como un pdf
el viaje del poeta y de la historia
se cruzaron en la zona
necrosada de la lengua,
cada uno revelado por el otro.

Y así la flor vencida por su perfume propio

Deja sobre el alféizar, deja
un vaso de agua hasta que empiece
a crear vida (te gusta
la palabra alféizar, ¿verdad?

reboza de árabe almíbar,

Эдгардо Добры / Аргентина

* * *

Город, ночь,
заброшенные насаждения.
Забронзовев на мифологии,
он возвращается в библиотеку

и теперь уже он знает, что можно
упасть в небо, как в колодец.
В стихе нет ничего подобного —
как говорится, нет ничего общего с —
духом, стих — это прибавочная стоимость,
запросы без срока давности.

В небе ясном, как пдф,
пути поэта и истории
пересеклись в омертвевшей
зоне языка
и разоблачили друг друга.

И так цветок поверженный собственным ароматом

Поставь на подоконник, поставь
стакан воды, и в нем заведется
жизнь (тебе ведь нравится
слово *подоконник*; правда?

оно намазано арабской патокой,

lástima que cuelgue de algo
triste como la ventana):
se aja así lo visto en la cabeza,

atardecer de amaranto mortecino,
burbuja en un bidón inverso
—no llores, niña, por el sol agonizante,
mañana mientras duermas
estará saliendo a tu espalda
y secará la oscuridad

de los rincones. Pero la banda
de la fiesta popular,
los colores del campo antes del trueno
y los tumultos después,
alondra de la siesta, ruiseñor

del deseo de dormir,
zorzal y benteveo,
al crepúsculo se queda sin petróleo
la antorcha de Febo y humea por la mecha:
en esa lija se pule, aflige,

el himno o la elegía, cuál,
¡los dos!, ¡a la vencida flor!
(signos de admiración son postes
de tender la ausencia

de celebración, de lamento,
de lamento de la ausencia
de una cualquiera celebración).
La inundación errante que ayer golpeaba en Asia
pudiera abatirse esta tarde sobre acá.

* * *

Apretó, arrojado al ascensor,
el primer botón que había: „siglo XX“.
Después se fue la luz y la puerta
de la escalera era tapiada.

жаль, что это висит на такой
печальной вещи, как окно):
в голове так комкается виденное,

издыхающий амарант заката,
бульк в перевернутом графине —
не плачь, девочка, по агонии солнца,
завтра, пока ты ещё будешь спать,
оно будет всходить у тебя за спиной
и высушит сумрак

в углах, но как же оркестр
с народного гуляния,
цветá поля перед грозой,
а потом сутолока,
послеполуденный жаворонок, соловей

сонливости,
цветной дрозд и бентевео,
ближе к сумеркам в факеле Феба
заканчивается горючее, и он дымится от фитиля:
этим напильником полируется, печалится
гимн или элегия, что из двух?
оба! поверженному цветку!
(знаки восторга   опорные столбы,
чтобы протянуть отсутствие

празднования, плач;
плач по отсутствию
какого-либо празднования):

Наводнение, которое вчера настигло Азию,
сегодня вечером, возможно, доберётся сюда.

* * *

Он решительно нажал в лифте
первую попавшуюся кнопку «XX век».
Потом был свет, и дверь
на лестницу была заделана.

No le preguntes cómo logró subir un piso.
¿Ahora qué pasa?
¿Te dormiste de costado y una estrella

te entró por el oído y se destiñe
en sueños ralos como larvas?

Será que en la llanura el corazón carece
de escondite y la verdad sale a la luz.
O la glicina certifica el deceso
de la tarde y la tapa de sábana celeste.

Entonces a partir del puerto
el río se apura:
quiere contarle al delta de mañana
los nombres leídos en los cascos.

Не спрашивай его, как он забрался на этаж,
а что теперь?
ты заснул на боку, и звезда

забралась к тебе в ухо и выцветает
в снах едва различимых, как личинки?

Наверное, это на равнине сердцу недостаёт
тайников, и правда выходит на свет.
Или глициния констатирует смерть
дня и накрывает его небесным саваном.

Тогда начиная от порта
река торопится:
хочет донести до дельты завтра
названия, прочитанные на обшивке бортов.

Перевод Наталии Азаровой

Jacqueline Goldberg / Venezuela

El más hermoso suicidio [1947]

Cada suicidio es un sublime poema de melancolía.
Honoré de Balzac

Evelyn McHale habría sido una joven más
—californiana, huidiza—,
pero subió al mirador del Empire State Building
la mañana del primero de mayo de 1947.
Y se convirtió en la suicida más bella del mundo.

El vuelo pudo haberla destrozado:
son normales fracturas en huesos de piernas
y columna vertebral,
severos traumatismos de pelvis.

El viaje de ochenta y seis pisos,
a una velocidad terminal de doscientos kilómetros por hora,
suele reventar la aorta y las cámaras del corazón,
hundir todo precioso cráneo.

El golpe seco deja en el cadáver muecas de dolor.

(Sólo se lanza desde un edificio
quien está irrevocablemente determinado a morir.)

Pero el cadáver de Evelyn sería pulcro,
con una pierna sobre otra,
la mano jugando con su collar,
el rostro plácido, la boca anhelante.
Como posado por un ángel sobre la carrocería maltrecha.

Жаклин Гольдберг / Венесуэла

Самое красивое самоубийство (1947)

Всякое самоубийство — это возвышенная поэма меланхолии.
Оноре де Бальзак (перевод Б. Грифцова)

Эвелин Макхейл осталась бы девушкой слишком
калифорнийской, нерешительной,
но забралась на смотровую площадку Эмпайр-Стейт-билдинг
утром 1 мая 1947 года.
И стала самой красивой самоубийцей в мире.

Полёт мог её совершенно разрушить:
как правило, случаются переломы ног
и позвоночника,
тяжёлые повреждения таза.

Путь длиной в восемьдесят шесть этажей
с конечной скоростью двести километров в час
обычно разрывает сердечные камеры,
уничтожает бесценный череп.

Жёсткое приземление оставляет на трупе гримасу боли.

(Только те бросаются с небоскрёба,
кто полон беповоротной решимости умереть.)

Но тело Эвелин сохранило опрятность,
одна нога закинута на другую,
рука игриво трогает ожерелье,
лицо безмятежно, рот соблазнительно приоткрыт.
Будто она позирует в роли ангела поверх раскуроченного автомобиля.

Robert Wiles escuchó el estallido,
corrió y fotografió a la difunta.
La imagen fue publicada
ese mismo mayo en la revista Life,
con el título El suicidio más hermoso.

Evelyn llevaba consigo una nota
con instrucciones para su funeral y el desamor:
«Él es mucho mejor sin mí (…)
yo no sería una buena esposa para nadie».

Se sabe:
hay bellas despedidas,
horrendas primaveras,
bellos cadáveres,
bellas catástrofes.

Agua que no llega [2008]

> La densa selva de palabras envuelve sólidamente lo que siento y vivo,
> y transforma todo lo que soy en algo mío que está fuera de mí [...] quiero
> ser enterrada con el reloj en la muñeca para que en la tierra algo pueda
> pulsar el tiempo.
> *Clarice Lispector*

Temo caminar
por el lecho seco de un río.

Es una fobia recién nacida.

Los síntomas:
• Me aturde que pueda aparecer una ola
e incluso un diminuto hilo de agua
por un lecho en apariencia inocuo.
• Me produce taquicardia la idea
de ser arrastrada por el agua.
• Sudo imaginando piedras sobre mi cabeza.

Enfrento el miedo desde mi escritorio.
En un décimo piso, en sequía.

Роберт Уайлз услыхал звук удара,
подбежал и заснял погибшую.
Снимок был напечатан
тем же самым маем в журнале Life,
под названием «Самое красивое самоубийство».

У Эвелин была при себе записка
с распоряжением о похоронах и отчаянными словами:
«Ему будет намного лучше без меня.
Я никому не буду хорошей женой».

Мы знаем:
некоторые расставанья прекрасны,
некоторые весенние дни ужасны,
некоторые трупы прекрасны,
некоторые катастрофы прекрасны.

Вода, которая не прибывает (2008)

> Густые заросли слов плотно оплетают то, что я чувствую и чем живу,
> превращая всё, что я есть, в нечто моё, но расположенное вне меня.
> <…> Я хочу, чтобы меня похоронили с часами на запястье и на земле
> осталось что-то, способное запустить время.
> *Клариси Лиспектор*

Я боюсь ходить
по сухому руслу реки.

Это новорожденная фобия.

Симптомы:
• Кружится голова, как подумаю, что может прийти волна,
и даже от крохотной струйки воды
в безопасном, по всей видимости, русле.
• Бьётся сердце, когда представлю,
что меня уносит водой.
• Прошибает пот от картины: тянет меня головой по камням.

Я сталкиваюсь со страхом прямо за своим письменным столом.
На десятом этаже, засушливым летом.

Veo un video de cómo el agua volvió
al lecho terroso del río Nazas,
en la zona de La Laguna, México.
Era 11 de septiembre de 2008.

El río reclamó su cauce,
apareció un día después
de que fuesen abiertas las compuertas
de las presas Francisco Zarco y Lázaro Cárdenas:
"lo seco de la tierra y los hoyos y cavernas
que habían de llenarse en el trayecto
retrasaron la llegada del agua".

Muchos esperaron dentro del lecho,
se apartaron cuando hebras líquidas
fueron engrosando el gemido.

Hubo hasta un dueto
de guitarra y trompeta sobre el puente:
"[…] el caudal fue llegando poco a poco,
pero suficiente para que los laguneros sintieran,
por primera vez en diecisiete años,
la brisa húmeda del río Nazas".

Escribo con barro en el estómago.

Encuentro que hay nombre
para este injustificado terror:
Potamofobia.
[Del griego potamós, río, y phobos, temor.
Es un miedo morboso, ridículo y persistente
a ríos, quebradas, manantiales,
arroyos, riachuelos, aguas fluyentes.
Miedo a cualquier tipo de afluente de agua corriente.]

Todo lo comprendo.
Todo lo admito.

Смотрю на видео, как вода вернулась
в земляное русло реки Насас,
Озёрный регион, Мексика.
Было 11 сентября 2008 года.

Река потребовала себе своё ложе,
явившись сутки спустя
после открытия шлюзов
в плотинах Франсиско Сарко и Ласаро Карденаса:
«иссушённость почвы, а также пещер и провалов,
которые вода должна была сперва заполнить,
замедлила её продвижение».

Многие дожидались прямо посреди русла
и разбегались, когда жидкие пряди
уже наращивали свой ропот.

Одна парочка даже сыграла дуэтом
на трубе и гитаре, встав на мосту:
«… поток прибывал мало-помалу,
но этого хватило, чтобы жители Озёрного края
ощутили впервые за семнадцать лет
влажный бриз с реки».

Пишу об этом вроде как с илом в желудке.

Оказывается, есть имя
у этого беспочвенного страха:
потамофобия.
[От греч. ποτᾰμός «река» и φόβος «страх»;
болезненный, нелепый и неотвязный страх
перед реками, ручьями, родниками,
источниками, потоками, бегущими водами;
страх перед любого рода проточной водой.]

Я всё это понимаю.
Я всё это признаю́.

Pero hay lechos secos
que jamás pisaré.
Sé que con ello pierdo
un tajo de belleza,
un poco de mí.

Но в сухое русло
никогда не ступлю ногой.
Я знаю, что я теряю
малую толику красоты,
малую долю себя.

Перевод Дмитрия Кузьмина

Gina Saraceni / Venezuela

* * *

¿Dónde estarán los perros
que perseguían la sombra
de los pelícanos en la playa?

Eran perros de la pobreza
delgados como la madera
que las olas carcomen.

Escarbaban en la basura
la materia de su hambre
y tenían en el costado
heridas abiertas.

Olieron en nuestros cuerpos
que éramos iguales.

Fuimos una manada de perros
que abandonó la playa
y se perdió en el monte.

* * *

Me entristece la casa
sin el paso de la madre
que regaba las orquídeas
y miraba al Avila crecer
todos los días.

Джина Сарачени / Венесуэла

* * *

Куда канут собаки,
гнавшиеся за тенью
пеликанов у моря?

Это были псы нищеты,
тощие, словно дерево,
источенное волнáми.

Они рылись в отбросах
и раскопали свой голод,
а на боках у них
красовались открытые раны.

Им несложно было учуять
в наших телах, что мы — одно.

Мы и были стаей собак,
отступившей от моря
и сгинувшей где-то в горах.

* * *

Грустен мне этот дом
без шагов матери,
поливающей орхидеи
и глядящей на вершину Авилы
день-деньской.

La casa donde la luz
era una medusa inmensa
que nadaba entre nosotros.

La casa abierta
para que el padre
regresara cada tarde
a su tierra lejana.

No sé como habitar
esta orfandad

sin flores,

sin medusa,

sin idioma

Дом, где свет
гигантской медузой
плыл между нами.

Вечно открытый дом,
чтобы мог отец
возвращаться ежевечерне
в свою далёкую страну.

Как теперь тут жить,
в этом сиротстве

без цветов,

без медузы,

без речи.

Перевод Дмитрия Кузьмина

Douglas Diegues / Brasil

El sentido de la vida humana y post-humana segundo las yiyis guaranís & nivaklês

Venimos a este mundo
para ser feliz.
Venimos a este mundo
para nos maravilhar.
Eso me ensinaron
hace um par de meses
las hermosas yiyis guaranies
y las hermosas yiyis nivakles también,
índias del paraguay
que tienen las sonrisas perfectas
y las tetas hermosas
y tienen 32 pero parece que tienen 18
y kantan hermosamente
en una grabación
que escuchamos una vez en Asunción:
Venimos a este mundo
para nos deliciar.
Venimos a este mundo
para nos maravilhar.
Venimos a este mundo
para nos deliciar.
Venimos a este mundo
para nos maravilhar.
Qualquer índio
se puede dar cuenta
que eso es cierto
y que também es hermoso.
Non venimos a este mundo,

Дуглас Диегес / Бразилия

Смысл жизни человеческой и постчеловеческой согласно няшам из народов гуарани и нивакле

Мы пришли в цей мир
быть щасливыми.
Мы пришли в цей мир
дивуваться.
Научили меня цёму́
пару месяцев тому
прегарные няши-гуарани́
и прегарные няши-нивакле́,
индеянки с парагвая,
чьи совершенны у́смишки
и грудки прегарные,
и уже им 32, но выдаётся будто 18,
и так поют прегарно
на пластинке,
чутой одного разу в Асунсьоне:
Мы пришли в цей мир
насолоджуваться.
Мы пришли в цей мир
дивуваться.
Мы пришли в цей мир
насолоджуваться.
Мы пришли в цей мир
дивуваться.
Всилякий индеец
может зрозумить,
як це верно
та як це прегарно.
Нет, мы не пришли в цей мир

para ficar com uma feroz kara de kulo
y después morrer de tédio
entre hermosos arboles gigantes
llenos de cigarras.

Los animales mais hermosos

Los animales mais hermosos
deste mondo bizarro
non son los tigres
Nim los cachorrinhos.
Nim las girafas.
Nim las professoras.
Nim los gatitos.
Nim las hormigas nim los elefantes.
Los animales mais hermosos
deste mondo bizarro
son las crianzas
brincando
en la cama
en la selva
en el aire
en las aguas del Río Amazonas.

* * *

Um buen poema
es como el sol
lambiendo
la grama aparada.

Passa huracán.
Passa ventania tsunami boiada.
Destrói tudo.
Menos la grama aparada

сидеть с жюткой мордой жёпы,
а потом мереть от скуки
меж прегарными огромными деревьями,
полными цикадок.

Перевод Дмитрия Кузьмина при участии Марии Надъярных

Самые прегарные животные

Самые прегарные животные
цёго́ чудернацкого мира
не тигры.
Не цуценята.
Не жирафы.
Не профессорки.
Не котики.
Не мурахи не слоны.
Самые прегарные животные
цёго чудернацкого мира
товарины
стрибаючие
по пляжу
по лижку
по воздуху
по сельве
по водам реки Амазонки.

* * *

Добрый вирш
как солнце,
якое лижет
складеный стог.

Грядёт ураган.
Грядёт буревой, цунами та скот.
Знищуют усё.
Лише не складеный стог.

Перевод Дмитрия Кузьмина

Cristino Bogado / Paraguay

No hay una erección full time de la poesía

Todas nuestras mujeres
(tu amante o mi esposa)
son un cruce de divas del cine
un injerto sin arte de la historia de la música
Yiyis pegoteadas directamente de los museos
incluso figuras de la ficción
actualizándose sin pudor
La silueta de Adjani
El culo de la Bardot
Vox Jane Birkin
Vulva Courbet
Lunar María Félix
Titi guasu Sarli
Akarangue puku Ofelia o
Cabellera Mojada Margarita Terekhova
Nariz Nefertiti
Ojos Bette Davis
Ceño Silvia Pinal
Una yiyi es un cosmos precario y sublime
Un détournement de Ducasse

Rey urucú

El poeta no tiene sentimientos
Es un Deus ex machina contra la póra Olvido
El poeta no tiene padres
Influjos, antecesores
Sí a veces el Zerkalo de su infancia

Кристино Богадо / Парагвай

Нет в поэзии эрекции fulltime

Все наши женщины
(как твоя любовница, так и моя жена)
только гибрид кинематографических див
трансплант безыскусный из истории музыки
слипшиеся няши прямиком из музеев
вплоть до литературных персонажек
воплотившихся без тени стыда
Силуэт Аджани
Попка Бардо
Голос Джейн Биркин
Вульва Курбе
Родинка Мария Феликс
Тити гуасу Сарли
Акарангуэ пуку Офелия или
Шевелюра ливнем Маргарита Терехова
Нос Нефертити
Глаза Бетт Дэвис
Хмурый взгляд Сильвия Пиналь
Всякая няша — космос хрупкий и деликатный
Détournement Дюкасса

Король урукý

У поэта нет чувств
Он бог из машины против пóры Забвения
У поэта нету отцов
предшественников, истоков
Лишь иногда *Зеркало* его детства

Ardiendo bajo la garúa
El poeta no tiene tradición ni patria
siempre pitauguá
Sí tiene voces, demonios, los añara'y tripon
Susurrando versos escabrosos
en la cueva Chauvet de su cerebro
El poeta tiene aporías,
reducir a letras el alud noisejento del universo,
el átomo de su infierno
El poeta abre holzeweges
en los desiertos urbanos
El poeta no tiene traumas
ni chenga ruvara, ni salutaciones lacrimosas
Sí la visión del kami shibai de sus errancias
y derrotas sin fin
El poeta es la recicladora de dios radión
El poeta canta
Carlos Marx, nada
Engels, nada
Bakunin y Kropotkin, nada
Leon Trotsky, un montón de nada
Stalin, menos que nada
El poeta tiene versos
que intercambia en la zoca con la moneda divina
El poeta opo'ë
Mete y pierde
Es el perdedor
El rey urucú

пылающее под мелкой моросью
У поэта ни родины ни традиции
вечный питаугуá
Лишь голоса, демоны, толстобрюхие аньярай
нашёптывают грязные стишки
в пещере Шове его головного мозга
У поэта апории,
чтобы к буквам сводить нойзующую лавину вселенной,
атом своей геенны
Поэт обнаруживает хольцвеге
среди городских пустынь
У поэта нет травм
ни шенга рувара, ни величальных плачей
Лишь созерцание камисибая своих промашек
и бесконечных провалов
Поэт — переработка божественного радия
Поэт поёт
Карлос Маркс, пустое место
Энгельс, пустое место
Бакунин с Кропоткиным, пустое место
Лев Троцкий, целый воз пустого места
Сталин, меньше, чем пустое место
У поэта стихи
их на площади меняют на небесную валюту
Поэт опо-э
Выступает и проигрывает
Неудачник
Король урукý

Перевод Дмитрия Кузьмина

Mario Bojórquez / México

Casida de la angustia

I

Un ácido durazno
      una escaldada lengua de durazno
un picante y ardiente y amargo y picante durazno
en la escaldada lengua, oh tristes,
                              eso es la angustia.

¡Ah! sonrisa estudiada, aligerada, ensayada en el espejo
de lo que no digo.
¡Ah! estúpida respiración despepitada, oprimida, deletreada
veneno inocuo
      ulceración.

Qué frágil corazón para el que sufre angustia
qué lenta máquina, qué desastrada
y lenta máquina es el corazón.

II

No conoció la fiebre
mi lengua no conoció la fiebre
no se alzó enardecida para un canto febril
sólo un cantar alegre
                  oh tristes
sólo un cantar alegre
                  cantaba mi lengua en su canción.

Марио Бохоркес / Мексика

Касыда тоски

I

Кислый персик.
      Язык, ошпаренный персиком.
Горько-острым обжигающим персиком.
Мой язык ошпарен, боже,
                              и это повод для печали.

Заученная улыбка, лёгкая, отрепетированная перед зеркалом,
о том, о чём не говорят.
Глупое, прерывистое дыхание, стеснённое, разгаданное,
такой безвредный яд
         и ожог.

Какое же хрупкое сердце у того, кто печалится,
какая медленная машинка, какая раздолбанная
и медленная машинка — сердце.

II

Не знал до этого жара
мой язык, не знал жара
и пыла, не напрягался он для сумасшедшей песни,
лишь для весёлой песенки,
                  боже,
лишь весёлую песенку
                  пел мой язык, напрягшись.

III

Este veneno ya estaba en mí
en mi sangre
antes de mí, mi sangre ardió,
antes de mí, mi sangre envenenaba a otros,
mi padre y su padre y sus abuelos, todos heridos
hasta el principio primordial.
Todos ardían como yo
todos arden conmigo.

IV

Pero el veneno escalda la lengua más feliz
¡oh, tristes!

Hablo de mí, sólo de mí.

Godzilla, quit it!

В 8:15 в западной части Центрального парка голубь застыл
над минутной стрелкой на 82-й улице, вижу издалека
словно рядом позолоченую пуговицу,
которой больше нет на чёрном пальто, все голуби
города собрались у ног своего
предка, старый динозавр пересекает Центральный парк
по 85-й улице, пока голуби купаются
в воде, женщина вытирает пот
багровым полотенцем, сейчас 8:22 и динозавру
интересно, какую музыку слушает женщина
с багровым полотенцем, ведь она очень ритмично
бежит среди деревьев и, время от времени, поправляет
плеер на поясе, а динозавр медленный,
сейчас 8:36, а он только приближается к Лексингтону.

III

Этот яд уже был во мне,
в моей крови,
еще до меня, моя кровь пылала еще
до меня, моя кровь отравляла других,
мой отец, его отец и его дед все ранены
вплоть до начала начал.
Все пылали, как я сейчас,
и продолжают пылать со мной.

IV

Яд может ошпарить даже самый счастливый язык,
боже!

Я говорю лишь о себе, всегда о себе.

Godzilla, quit it!

В 8:15 в западной части Центрального парка голубь застыл
над минутной стрелкой на 82-й улице, вижу издалека
словно рядом позолоченую пуговицу,
которой больше нет на чёрном пальто, все голуби
города собрались у ног своего
предка, старый динозавр пересекает Центральный парк
по 85-й улице, пока голуби купаются
в воде, женщина вытирает пот
багровым полотенцем, сейчас 8:22 и динозавру
интересно, какую музыку слушает женщина
с багровым полотенцем, ведь она очень ритмично
бежит среди деревьев и, время от времени, поправляет
плеер на поясе, а динозавр медленный,
сейчас 8:36, а он только приближается к Лексингтон-авеню.

Перевод Андрея Сен-Сенькова при участии Артема Серебренникова

Luis Chávez / Costa Rica

Anotaciones para una Cumbia

Afuera, las nubes
con forma de nubes.
Adentro, preguntas aleatorias:
¿cómo le llama una madre
al hijo que, ya adulto,
cambia de nombre?

Abrir el tubo
y que dos segundos de agua tibia
sean la única noticia
del día de sol que no disfrutamos.

Treinta y dos años con el mismo nombre
¿no será un exceso?
Demasiado tiempo para esta sola certeza:
jamás ninguna nube
será mejor que aquel globo
con figura de ratón.

Un nuevo jugo anuncia la llegada del verano.
Los pies, el agua tibia,
la sal de Inglaterra,
sin embargo, nada anuncian.
Se fue otro bisiesto
sin mayor novedad.
De lo bueno, ma,
nos quedó lo malo.

Луис Чавес / Коста-Рика

Заметки по поводу кумбии

Там, вовне, облака́
похожие на с облака́.
Тут, внутри, необязательные вопросы:
как будет мать называть
сына, который взрослым
поменял своё имя?

Откроешь кран —
и вот две секунды тёплой воды
станут единственной вестью
о солнечном дне, которому мы не порадовались.

Тридцать два года всё с тем же именем —
не чересчур ли это?
Многовато времени для всего одной очевидности:
никогда никакое облако
не превзойдёт вон того воздушного шара
с профилем мыши.

Новые соки возвещают наступление лета.
Ноги в тёплой воде
и английская соль,
в свою очередь, ни о чём не возвещают.
И уже второй високосный год
не принёс особых новинок.
Из хорошего, мам,
нам осталось плохое.

México D. F.

Esa foto donde ninguno sonríe:

¿quién nos creerá que fue de la época buena?

Los otros

San José no fue más
que luces a la distancia:
una constelación administrativa
que de noche disimula el subdesarrollo.

El resto, latas vacías de una cerveza
que despreciaron por tibia;
la bombilla insuficiente
de un carro con puertas abiertas;
el sentimiento que, devaluado,
llamamos afecto.

Мехико

Фотография без единой улыбки:

кто поверит, что это были славные времена?

Другие

Сан-Хосе — всего лишь
отдалённые огоньки:
муниципальная галактика,
ночью скрадывающая экономическую отсталость.

Что ещё? Пустые пивные банки
(презирали, поскольку тёплое);
маломощная лампочка
в машине с открытой дверцей;
чувство, которое мы,
обесценивая, называем привязанностью.

Перевод Дмитрия Кузьмина

Diana Vallejo / Honduras

El lunes, nido de gato

El lunes tiene una lengua de sapo
una uña de gato en la ventana,
un pintalabios para el sol en SPF 15
me quita los aritos de los ojos
me plaga de dudas y la silla se convierte en un canapé sin sal
en cómplice del sedentario mundo.

El lunes, tiendo la tienda de mis encandiles
Queda puesta, muestro un poco de cariños
turbia entre los miedos,
quizás vea a Tibúl haciendo malabares en el tendido eléctrico,
o al perro verde del espacio andar como si nada, hablando por el cel…

Es lunes, y mi corazón se aburre
sin poder evitar que le crezca musgo a la esperanza,
a tus amores sin filtro.

Besos y adiós lunes de mis amores,
me voy con mi caña,
a pescar mi alma de nuevo para este cuerpo de humanos…

Irnos

Tú ahora estas en otro cuarto con otra mujer
estando aquí conmigo.

Диана Вальехо / Гондурас

Понедельник, кошачье гнёздышко

У понедельника жабий язык
коготок кошачий в окне
солнцезащитная помада для губ с SPF15
он вынимает колечки у меня из глаз
поражает меня сомнениями, так что кресло
превращается в пресное канапе
сообщничающее с сидячим миром.

В понедельник я развешиваю мои очаровали
Ставится, выказываю немного знаков любви
мутная среди страхов,
а вдруг бы увидела я, как Тибул жонглирует на линии электропередач
или зелёный космический пёс бежит, как ни в чём не бывало,
болтая по мобиле…

К понедельнику сердце моё приуныло,
неспособное уберечь от зарастания мхом
надежду и все любови без фильтра.

Целу́ю, пока, понедельник моих любовей,
ухожу с тростниковой удочкой
снова ловить мою душу ради этого тела людского…

Мы расходимся

Ты сейчас в другой квартире с новой женщиной
и всё же здесь со мной.

Yo, estoy en otro campo con otro hombre
estando aquí contigo…

Tú estas en otra mujer, en una carta
y estas aquí conmigo.

Yo estoy en otro hombre, en su holgura
heme aquí contigo…

Tú estas callando
yo estoy viviendo.

Tú estas aquí como fantasma,
yo estoy aquí… como verso.

La mosca

Hay una mosca violenta
Que golpea en la tela metálica
Un bicho insistente
Que quiere salir, salir …

De ningún modo
Alcanzó los vidrios
Ni la orilla
Solo se dejo vislumbrar
Se dejó caer
Para volar, volar …

Soy como esta mosca
Molesta
A todo credo

No soy ficticia
Hay tentáculos
Glándulas salivales
Patas, ojillos
Para tratar, empujar…

Я сейчас в другой деревне с новым мужчиной
и всё же здесь с тобой.

Ты в новой женщине, в её какой-нибудь записке
и всё же здесь со мной.

Я в новом мужчине, в его веселье,
и вот я здесь с тобой.

Ты здесь молчишь,
я здесь живу.

Ты здесь как призрак,
я здесь… как стих.

Муха

Вот неистовая муха
Гложет металлическую сетку
Неутомимая букаха
Рвётся вон, вон…

Ни в какую
Не смогла добраться
Ни до стёкол ни до берега
Можно только предсказать
Ей пришлось упасть
Чтобы летать, летать…

Я как эта муха
Докучная
Для всякой веры

Я не выдумка
У меня тентакли
Железы слюнные
Лапки, глазки
Чтобы постараться, поднажать…

Como esta mosca
Molesta…
Que zumba incrustada
En la tela metálica de la ventanas.

Sin

No me importa tu nombre
ni tu cuerpo terracota
todo tú, llevas un desesperado olor a amor.

Tu mirada indagatoria
alza sus amarras en éste mar de nautas y porosidades.

Tu bruma tiene encanto de atardeceres
me invita en silencio a explorar la flor nocturna
no me importa tu nombre
dejo que el silencio
fusile a mi reparo…

Словно эта муха
Докучная
Иззудевшаяся, встряв
В металлическую сетку окон.

Без

Мне неважно твоё имя
и твоё терракотовое тело
да и весь ты, с отчаянным запахом любви

Твой допрашивающий взгляд
развёртывает швартовы в этом море с матросами и кавернами

Твоя мгла несёт чародейство сумерек
приглашает меня безмолвно исследовать цветок ночи
мне неважно твоё имя
и пускай тишина
расстреляет мои треволнения.

Перевод Дмитрия Кузьмина

Yanko González / Chile

[1999—2011]

Querido Leopold lee esto muy, muy despacio
Y créeme que no tengo otra forma de decirlo.

Si hasta aquí has leído de prisa
Te pido vuelvas a comenzar de nuevo.

No me atrevo a pulsar tu número
Y quemar el poco aliento que nos queda.

No seré quien arriba, no seré quien parte
Para quedar en la mitad y vacía.

No te apresures, no te fíes de mi brevedad
Porque este día pardo terminará en el mismo día pardo
Que persistirá inmutable en otro día pardo.

Querido mío, hoy a las cuatro y treinta de la madrugada
Nuestro hijo nos dejó. Sus ojos ya no muestran ni sienten dolor.

Perdóname. He perdido un cuerpo para llegar
Y he perdido un cuerpo para regresar.

Янко Гонсалес / Чили

[1999—2011]

Дорогой Леопольд, прочти это медленно
И поверь, по-другому такого не скажешь.

И если ты прочитал это быстро,
То прочитай все это сначала.

Не решаюсь твой номер набрать,
И дыхание сжечь между нами.

Я не стану прибывать, расставаться,
Чтобы остаться пустой в середине.

Не торопись, не доверяй моей краткости
Этот день земляной превется таким же днем земляным
И останется неизменным следующим днем земляным.

Любимый, в четыре утра с половиной
Сын наш ушел. Нет уже боли в глазах у него.

Прости меня. Нет больше тела, чтобы уйти.
Нет больше тела, чтобы вернуться.

* * *

„Defecitque manna“
(Y faltó el maná) Josué, V, 12.

Hubo aquí un tiempo de africanos/ donde los cabros comían cables telefónicos
tenían un gran tejo de jeringa/ que achuntaba los residuos de sus huesos
/y era en sus axilas
/ y era en sus rodillas
Que el hedor del fiambre
El quesillo de sus glandes
los alimentaba como a Rómulos y Remos/ y fueron salvos desa mueka hambriada
y fueron liberados de la intoxicación del aire
y no sucumbieron ante la sequía
Y fueron salvos de jalar la tiza
Y fueron salvos de la excreta del equino, del orégano
Y fueron salvos de la orina de a doscientos pesos
Y fueron salvos de las cápsulas para el mal de chagas
Y nadie descendió a la quemazón del fenotipo
Y a nadie se le partió la traquea en cinco partes
Y nadie sudó nitrato por el coxis
Fueron Salvos
y nadie murmuró:
esta palidez
del rostro mío.[1]

[1] «Otra forma de prevención del abuso de drogas es el estímulo y apoyo al uso del tiempo libre como espacio de placer, creatividad y desarrollo de potencialidades. El uso del tiempo libre se puede enriquecer: **ayudándoles a buscar actividades para jóvenes, que a ellos les gusten/ dándoles permiso para que participen/ acompañándolos las primeras veces/ abriendo nuestros hogares a sus amigos**.» (Ministerio de Salud-Ministerio de Educación).

* * *

Defecitque manna
(*в той день преста манна*) Нав. 5:12

И было тогда африканское время и козы телефонные кабели пожирали
и держали большую игру вышибая костями своими кегли шприцов
на подмышках
и на коленях
А гнилистый фьямбре
Залупный кесилько
вскармливали их, Ромула и Рема, и они спаслись от гладной муэки
и они избавлены были от воздушной отравы
и засуху превозмогли
и втягивать мел перестали
избавлены от дерьма лошадей, орегано
избавлены от урины за две сотки
избавлены от колес против болезни шагаса
и не снизошел никто к жжению фенотипа
и не разделил никто трахею на пять долей
и не потел никто нитратом по копчику
избавлены были
и не прошептал никто:
о, эта бледность
лица моего.[1]

[1] «Иная форма предотвращения употребления наркотиков — это стимулирование и поддерживание использования свободного времени для удовольствия, творчества и развития. Использование свободного времени можно сделать более эффективным, **если помочь молодым людям найти занятие, которое могло бы им понравиться, позволяя им работать в коллективе, оказывая им поначалу поддержку, открывая наши дома для их друзей**» (Министерство охраны здоровья / Министерство образования) — *примеч. автора.*

[Casa della Palma]

Te gustan los libros
Y los nudos
Porque puedes cerrarlos cuando quieres.

Y los techos y los postes y los puentes
Porque sabes que terminan en tu cuello.

Sostienes a la inversa todo lo que cae
Para los que inhalan y para los que exhalan
En esta gravedad probable.

Antes tenías ideas.
Ahora solo tienes memoria.

[Каза делла Пальма]

Ты любишь книги
их можно закрыть
И узлы
их — завязать.

И крыши, столбы, мосты —
Все они оборвутся на шее твоей.

И поддерживаешь, в свою очередь, всё что падает
Ради вдыхающих и выдыхающих
В этой возможной тяжести.

У тебя раньше были идеи.
Теперь же есть только память.

Перевод Кирилла Корчагина

Gabriel Chávez Casazola / Bolivia

La canción de la sopa

En tiempos de mi abuelo las familias eran grandes
vivían en grandes casas —grandes o chicas, pero grandes,
inclusive diminutas, pero grandes.

Comían alrededor de grandes mesas
mesas fuertes, cubiertas o no de mantel largo
pero bien establecidas en el piso.

Con cucharas enormes comían la sopa
en los grandes mediodías. La sopa extraída con grandes cucharones
de unas enormes soperas.

Se reunían juntos después a oír la radio, a tomar café,
a fumarse un cigarrillo
sin grandes (ni pequeños) cargos de salud o de conciencia.

Mamá, bordando a veces y a veces tejiendo,
veía sucederse a los hijos y a los nietos
en un ininterrumpido y gran bordado.

Papá, la autoridad papá, llegaba todas las tardes a las 6
montado en un gran auto americano o en un gran caballo
o con un gran estilo
de caminar
para pasar la noche junto con los hijos y los nietos que el
tiempo no había interrumpido,
salvo aquél que enfermó, aquél que se fue
dejando un enigma y una sensación de vacío
—una enorme sensación de vacío—

Габриэль Чавес Касасола / Боливия

Песнь супу

Когда мой дедушка был молод, семьи были большими,
жили в больших домах — больших или маленьких, но всё же больших,
иногда в крошечных, но всё же больших.

Comían alrededor de grandes mesas
mesas fuertes, cubiertas o no de mantel largo
pero bien establecidas en el piso.

Ели за большими столами суп
на большой обед. Суп разливали большими половниками
из больших супниц.

Собирались вместе послушать радио, попить кофе,
выкурить по сигарете,
без большого (или маленького) вреда для здоровья или разума.

Мама иногда вышивала или вязала,
её дело продолжали дети и внуки,
не прерывая большую вышивку.

Папа, глава семьи, являлся домой в 6 вечера
на большой американской машине или на большой лошади,
или пешком, но большими
шагами,
чтобы провести вечер вместе с детьми и внуками, и так
было всегда, кроме
тех случаев, когда кто-то болел или уходил,
оставляя за собой тайну и чувство пустоты —
огромное чувство пустоты —

flotando, con el humo de los cigarrillos,
sobre la sobremesa de la cena.

A veces, en esos momentos, papá, la autoridad papá,
dejaba de escuchar los sonidos de la radio y quería estar
solo consigo mismo, simplemente
no estar ahí, tal vez estar corriendo por alguna lejana
carretera con una rubia parecida a mamá cuando no era
mamá, montado en un gran auto americano o en un gran caballo o
con un gran estilo de caminar aún no vejado por el tiempo.

Mamá a su vez algunas sobremesas sentía un nudo
en la garganta, un nudo que después salía flotando de su
boca montado en un gran suspiro,
un enorme nudo que se enredaba en el vapor
de su taza de café, con unas
volutas que le robaban la mirada y la hacían desear estar sola,
simplemente no estar ahí, escuchando los llantos
de las últimas hijas y los primeros nietos.

Así fueron los años, vinieron los cafés y los cigarrillos
y un día la gran casa se fue quedando sola, las enormes
soperas vacías, las cucharas mudas
de una enorme mudez que a hijas y nietos nos persiguió
a lo largo de miles de kilómetros de carretera, de cable de
teléfono, de grandes ondas que ya no se miden en kilómetros.

Incluso aquél que enfermó, el primero en partir
como cada quien que bebió de esa sopa fue alcanzado por la mudez,
que se metió en su pecho por la gran boca abierta de un enorme bostezo.

Entonces
compró una breve sopa instantánea
y entre sus mínimas volutas
se permitió un pequeño llanto.

No podía tomar la sopa.
en su diminuto departamento no había una sola cuchara,
una sola mesa bien fundada, algo
que vagamente pudiera parecerse a la felicidad
y sus rutinas.

за семейным застольем.

Иногда в такие минуты папа, глава семьи,
отвлекался от радио и отлучался, желая
остаться наедине с самим собой, просто
не быть там, возможно, надумывая сбежать
далеко с блондинкой, похожей на маму, не будь
мамы, на большой американской машине или на большой лошади,
или пешком, но большими шагами, ещё не стеснёнными временем.

Мама, в свою очередь, иногда за столом ощущала
будто ком в горле, который потом превращался
в большой вздох, вырывающийся изо рта,
огромный ком, разрастающийся от пара
над чашкой кофе, лишающий
её взгляда, дарующий желание одиночества,
желание просто не быть здесь, не слушать стоны
последних дочерей и первых внуков.

Такое было время, пился кофе, курились сигареты,
и однажды большой дом опустел, огромные
супницы опустели, ложки онемели
огромной немотой, которая протянулась от детей и внуков
на тысячи километров по телефонным кабелям,
по огромным волнам, не исчислимых в километрах.

Даже тот, кто заболел, уехал
вслед за всеми, кто ел тот суп, во имя немоты,
что проникла в его нутро с огромной зевотой.

Потом
он купил себе суп быстрого приготовления,
стал его есть и, между делом,
позволил себе немного поплакать.

Он не мог есть суп —
в его крошечной квартирке не было ни ложек,
ни нормального стола, не было
ничего похожего на счастье,
одна рутина.

Entonces pensó en los tiempos de su abuelo o del mío
o del tuyo, cuando las familias eran grandes
vivían en grandes casas —grandes o chicas, pero grandes,
inclusive diminutas, pero grandes
y veían sucederse a los hijos y a los nietos
en un ininterrumpido y gran bordado
con enormes hilos invisibles abrazándolos a todos en el aire.

Elemental

Si yo fuera panteísta —me decías—
escogería venerar a los dioses domésticos,
los dioses del hogar, pequeños y sencillos,
que se esconden tras una planta del jardín,
en la corteza de un mueble de madera
o dentro de un jarrón de cerámica
que alguna vez una muchacha aborigen portó sobre su cabeza
—cómo ondeaba su cintura en equilibrio, su cabello negrísimo.

Los dioses diminutos y traviesos
de la lluvia en verano o del agua cayendo desde la regadera,
la diosa de la acequia en una vieja huerta
que aún frecuenta mi infancia,
las diosas del estanque o de la alberca
—siempre hay algo divino entre las aguas—,
el dios de la puerta, el dios de las almohadas, el dios de los jabones,
el dios de las ventanas,
la turbulenta deidad de la caldera que hierve,
el dios mayor del hogar, escondido (y revelado) en el fuego.

Si yo fuera panteísta, me decías, creería en todos esos dioses.
O en la porción secreta de Dios que hay en todos los elementos —repuse.

Y mientras conversábamos, al caer de la tarde,
miraba yo con recelo y ternura, al mismo tiempo,
ensombrecidas pero aureoladas de luz nueva,
todas las cosas de la casa.

Тогда он подумал о временах, когда его, мой и твой дедушка
были молоды, когда семьи были большими,
жили в больших домах — больших или маленьких, но всё же больших,
иногда в крошечных, но всё же больших,
когда их дело продолжали дети и внуки,
продолжая шить большую вышивку
огромными невидимыми нитями, объемлющими всех.

Простые вещи

Будь я пантеистом, — ты мне говорил, —
я бы чтил домашних богов,
богов очага, простых и маленьких,
что прячутся за растениями в саду,
внутри деревянной мебели
или в керамической вазе,
какие индейские девушки носят на голове —
изгибались их талии, развевались чёрные волосы.

Крошечные и озорные боги
летнего дождя или воды, льющейся из лейки,
богиня канавки в старом саду,
что частенько посещала меня в детстве,
богини озера или запруды —
всегда есть что-то божественное в воде, —
боги дверей, боги подушек, боги мыла,
боги окон,
буйное божество кипящего чайника,
верховный бог очага, спрятанный в огне (и проступающий сквозь огонь).

Будь я пантеистом, — ты мне говорил, — я бы верил во всех этих богов.
Или в тайные части Бога, растворённые во всех существующих элементах.

И пока мы разговаривали, стемнело,
я смотрел с опаской и в то же время с нежностью
на затемнённые, но полные нового света
предметы в доме.

Koyu Abe siembra una semilla de girasol en los jardines del templo de Genji

Koyu Abe, con rigurosa túnica negra,
alta y rapada la cabeza
llano el ceño
siembra una semilla de girasol en los jardines del templo de Genji.

Con parsimonia deposita la pequeña cáscara repleta
de luz en potencia
de futuros asombros
en un cuenco cavado entre la tierra.

La cubre con una pequeña pala
la riega con una regadera anaranjada.

Pasa la brisa sobre los jardines del templo de Genji
la siente Koyu Abe en sus manos salpicadas por el agua.

En una bolsa de tela colgada en el regazo lleva
unas decenas o cientos de semillas.

Es aún muy de mañana y sembrar cada una es su tarea
y cubrirla
y regarla con su regadera anaranjada.

Un millón de girasoles habrán de alfombrar pronto los jardines de Genji
y los huertos aledaños.

Monjes, campesinas,
todos habrán de tener manos humedecidas por el agua que riega los futuros
asombros amarillos de los niños,
las que serán luces piadosas para ojos extenuados.

Koyu Abe no conoce a Van Gogh, mas pinta girasoles con su pala.
Koyu Abe, cuya mirada divisa, en lontananza, los perfiles grisáceos
de los silos nucleares.

A la vera de Fukushima se levantan los jardines del templo de Genji
y es preciso purificar el cielo, purificar las aguas, purificar el suelo,
purificar los soles sembrando girasoles.

Кою Абэ сеет зерно подсолнуха в садах храма Гэндзи

Кою Абэ в суровой чёрной тунике
с высоко поднятой бритой головой,
нахмурившись,
сеет зерно подсолнуха в садах храма Гэндзи.

Бережливо он полагает маленькую скорлупку,
полную светом
будущих чудес,
в выкопанную в земле ямку.

Закапывает зерно лопаткой,
поливает из оранжевой лейки.

Лёгкий ветерок проносится по садам храма Гэндзи,
по смоченным водой рукам Кою Абэ.

С тканевой сумкой на поясе он движется
и сеет десятки, сотни зёрен.

Целое утро он сеет по одному зёрнышку,
закапывает
и поливает из оранжевой лейки.

Миллион подсолнухов скоро застелет сады Гэндзи и соседние земли.

Монахи, крестьяне,
все смочат в воде руки, чтобы поливать жёлтые
чудеса будущего для детей,
что станут благоговейным светом для истощённых глаз.

Кою Абэ, закапывающий зёрна лопаткой, ничего не знает о Ван Гоге.
Кою Абэ, чей взгляд различает вдалеке сероватые
контуры ядерных зернохранилищ.

На самом краю Фукусимы высятся сады храма Гэндзи,
и нужно очищать небо и воду, очищать почву,
очищать солнце, сея подсолнухи.

No es un efecto estético, me dice Koyu Abe, en el silencio de la imagen:
las raíces absorben los metales pesados
y del veneno nace, como si tal, la flor.

Mas es verdad que también la belleza purifica
por sí misma,

acota el holandés, saliendo del silencio de la tela,
y Koyu Abe me extiende una bolsa de semillas
de cáscaras repletas de diminuta luz.

La enorme regadera anaranjada
me la alcanza Van Gogh.

Это не для красоты, говорит мне Кою Абэ, и в тишине возникает образ:
корни поглощают тяжёлые металлы,
и из яда как будто рождается цветок.

Таким же образом красота сама
очищает себя,

напоминая о голландце, выбираясь из тишины сумки,
и Кою Абэ протягивает мне зёрна —
скорлупки, полные крошечным светом.

И огромную оранжевую лейку
мне несёт Ван Гог.

Перевод Дениса Безносова

Jorge Galán / Salvador

Los trenes en la niebla

Los trenes salían de la niebla. Me dejaban atrás.
Yo era su pasado más inmediato.
Entonces vivía al final o al inicio de lo que llamábamos horizonte
y veía subir y bajar a tantos que aprendí a saber quiénes no iban a volver más.
No puedo decir que lo veía en sus ojos ni que algo les cubría
pero aprendí a distinguirlos como se distinguen los vivos de los muertos,
cuando el frío hace que no nos queden dudas.
Sé que nací un noviembre en una época donde aún existían las cartas de amor.
Ese día era otoño en alguna parte, pero acá era invierno con lluvias.
Y sé que a nadie interesan estas cosas, pero ese año,
el último día de diciembre, a medianoche, mi madre y la familia
de mi madre esperaron en el patio trasero, sentados a la mesa,
la caída del tiempo de los hombres. Pero nada pasó, les habían mentido,
las escrituras no cumplieron su promesa, ni una figura
descendió de las nubes ni se escuchó campana alguna ni trompeta.
Decepcionados, caminaron a través de una línea de tren hacia la oscuridad.
Sus rostros eran la tristeza. Poco les quedaba, alguien, nunca
se dijo quién, dio fuego a la iglesia y esta ardió hasta el amanecer,
se consumió hasta volverse una breve memoria y no se le volvió a levantar
y yo crecí como una pupila que se acostumbra a la sombra.
Era un chico cuando escuché el primer silbato
y hacía mucho que no era más un hombre cuando vino a mí el último,
y era tan semejante al primero que creí que era el mismo.
Y entre el primero y el último, un instante, un aliento del mundo.
Una vez vi un hombre que venía de la nieve, era oscuro
como aquello que la luna no puede afectar con su magia en el fondo del mar.
Fue él quien me habló de los enormes hielos que se paseaban
sobre la superficie de las aguas como ciudades muertas sobre una pupila,
hielos como planetas en el desierto de lo inconmensurable.

Хорхе Галан / Сальвадор

Поезда в тумане

Поезда появлялись на тумана. Оставляли меня позади.
Я был их только что прошлым.
Я жил тогда в конце или в начале того, что мы называем горизонтом,
и столько их приходило и уходило, что я научился распознавать тех
что не вернутся.
Я не сказал бы, что я видел это в их глазах или что они были чем-то
таким окутаны,
но я научился различать их, как отличают мертвых от живых,
когда холод уже не оставляет сомнений.
Я знаю, что я родился в ноябре в те времена, когда ещё существовали
любовные письма.
В тот день где-то на земле была осень, но здесь стояла зима и лили
зимние дожди.
Я знаю, что это никому не интересно, но в тот год
в последний день декабря, в полночь, моя мать и семья
моей матери за столом во внутреннем дворике ожидали
окончания людского времени. Но ничего не случилось,
обещанное в писаниях не исполнилось, их обманули, никто
не сошёл с облаков, не зазвучал никакой колокол, никакая труба.
Разочарованные, в темноте они отправились к железной дороге.
Сама печаль были их лица. Им оставалось уже немного, когда кто-то,
никогда
не говорили кто именно, поджег церковь и к рассвету она сгорела,
вся прогорела, пока не превратилась в короткую память,
и ее больше никогда не было,
и я рос, как зрачок, приспосабливающийся к потемкам.
Я был мальчиком, когда услышал первый свисток,
и уже давно не был мужчиной, когда до меня донёсся последний,
и он был так похож на первый, что мне показалось, что это он и есть,

Puedo decir que sus manos eran frías y gruesas y lo mismo podría
decir sobre sus ojos y quizá sobre su alma: he probado la carne del lobo
y del zorro y del hombre, me aseguró. El Ártico es una selva blanca,
la vida ahí no es un cuento que alguien narra en un bar, ahí el filo brumoso
de un cuchillo, ese brillo, hace la diferencia entre el ahora y el después.
Un día, una mujer vino del mar. Entonces del mar no sabía más que historias
de asombrados viajeros. Desconocía la lengua de las palmeras
o el crujido de la madera de los muelles, pero ella me cubrió por completo
y yo me derrumbé como un albatros que cae después de mil días de viaje
para morir bajo el oleaje, y ella me aseguró que sus palabras
eran como el canto de las ballenas y no debía temer,
que la tormenta nunca temió del mar. Y no temí.
Por tres meses un aliento salado me recorrió todo mi cuerpo,
y cuando, llegado otra vez el tiempo de las lluvias, ella no miró atrás
y su espalda adquirió la forma de una raya, la miré perderse
en el sur tempestuoso sin atreverme a nada, sin saltar
hacia ese acantilado que se abría ante mí como un cielo distinto,
sin emitir un leve susurro emocionado.
Y así todo pasó y las estaciones del mundo cambiaron otra vez y otra vez.
Marzo tenía olor a mandarinas y diciembre a manzanas frescas.
Y un día, envejecí de pronto cuando el temblor de mi mano
me impidió repartir unas cartas. Y fue entonces
que alguien me preguntó mi nombre y lo había usado tan poco
que no lo recordé. A la mañana siguiente, luego de vender el último billete
para el tren de la tarde, salí y bebí y volví a beber y bebí tanto
y luego dormí tanto que al despertar nada era ya lo mismo.
Comprendí que todo había quedado atrás hacía demasiado tiempo.
La madre y la familia de la madre se habían detenido en alguna parte
que ya no recordaba ni quería recordar.
Una sola taza había en la alacena, una sola cama en la habitación,
una sola silla, un cepillo de dientes en el baño de esa casa
de madera sin pintar, visitada únicamente por los mosquitos
y las voces de unos que ya no estaban ahí pero que insistían,
llegada la noche, en conversar sobre tiempos antiguos.
Hacía tanto que me había vuelto tan solo una figura
que cada madrugada también salía de la niebla.
Y lo sabía todo, lo había comprendido.
Jamás había tomado el tren hacia las montañas ni hacia el mar
ni hacia ningún país vecino ni hacia ninguna parte.
Esa mañana no quise volver más y ya no volví más a ningún sitio.
Desde entonces ya no recuerdo ni sé mucho,

а между первым и последним всего мгновение, дыхание мира.
Однажды я увидел человека, который пришёл из снега, он был темным,
как то на дне моря, на что и магия луны не действует.
Он и рассказал мне об огромных ледниках, они проходят
по поверхности вод, как мертвые городá по зрачку,
ледники, как планеты в пустыне несоизмеримого.
Я помню, что у него были холодные грубые руки, и я бы сказал то же самое
о его глазах, да и о душе тоже: я ел мясо волка,
и лисицы, и человека — утверждал он. Арктика это белая сельва,
тамошняя жизнь это не байки в баре, там в смутном лезвии ножа,
в этом его блеске вся разница между сейчас и потом.
Как-то с моря пришла женщина. В то время о море мы не знали ничего,
кроме рассказов изумленных путешественников. Я не знал языка пальмовых рощ
и поскрипывания деревянного причала, но она меня накрыла с головой,
и я свалился, как альбатрос, который падает вниз после тысячедневного полёта,
чтобы умереть под шум прибоя, и она убедила меня, что ее слова
были как песнь китов и я не должен бояться,
и что буря никогда не боялась моря. Я и не боялся.
За три месяца все мое тело пропиталось соленым дыханием,
и когда вернулся сезон дождей и она не обернулась,
а вся ее спина приняла форму волнореза, я смотрел, как она потерялась
в бурном юге, смотрел, ни на что не решаясь, не кидаясь
к этому скалистому берегу, который открылся передо мной, как другое небо,
не допуская даже легкого шелеста волнения.
Так все и прошло, и времена года в мире все сменялись и сменялись.
Март пах мандаринами, а декабрь свежими яблоками.
И однажды я вдруг состарился и из-за дрожи в руках
не сумел раздать карты. И как раз тогда
кто-то спросил, как меня зовут, а я так мало пользовался своим именем,
что не смог его вспомнить. Следующим утром, продав последний
билет на вечерний поезд, я вышел и выпил, и снова выпил и потом столько пил
и столько спал, что когда я проснулся, все уже было по-другому.
Мать и семья матери остались где-то там, и я
не помнил где и не хотел вспоминать.
В буфете была только одна чашка, в спальне только одна кровать,
один стул, зубная щётка в ванной того некрашеного

y no poseo más que una única certeza: que como yo,
todos aquellos trenes también salían de la niebla.

деревянного дома, где залетали лишь комары
и голоса тех, кого там уже не было, но с наступлением ночи
они настойчиво хотели поговорить о старых временах.
Уже давно я стал лишь фигурой, выходящей
на рассвете из тумана.
Я никогда не ездил на поезде ни к горам, ни к морю,
ни в соседнюю страну, ни вообще куда-либо.
Этим утром мне не захотелось возвращаться, и я больше никуда
не вернулся.
С тех пор я помню немногое,
я только твёрдо уверен, что, как и я,
все те поезда тоже выходят из тумана.

Перевод Наталии Азаровой

Angélica Freitas / Brasil

pouca coisa

não calcula a perda ao comprar a caixa de alfinetes (da china)
e tampouco de onde vão despontar com suas cabeças (chatas)
e maldiz mao tsé quando sai uma gota de sangue (do dedo)
e quando vê um alfinete na rua não pega (nem morta)
mesmo se igual aos que pontuam as blusas (no armário)
e que rocem na pele produzindo vermelhos (tão raros)
e que alguém sonhe com alfinetes (na china)
na vida só valem às dúzias (é claro)

boa constrictor

estava enrolada num galho
entre folhas nem se mexia
a danada
me viu era hora do almoço
e me disse na língua das cobras:

parada

virei o tronco ela já vinha
calculava minha espinha
cobreava
me poupe eu disse
e ela na língua das cobras
negava:

você sabe porque veio
honeypie

Анжелика Фрейтас / Бразилия

пустяковина

не считай потери покупая коробку булавок (из китая)
и не думай откуда взялись их головки (плоские)
они проклинают мао когда выступает капелька крови (из пальца)
и когда видишь булавку на улице не поднимай (не умирай)
это ведь так же как ставить точки на блузах (в шкафу)
как резать по коже ради красного цвета (он редок)
как будто кто-то мечтает об этих иголках (в китае)
в единственной жизни достойной всей дюжины (это ясно)

боа констриктор

она обернулась вокруг ветви
и не шевелится в листве
хитрая
видит меня думает время обеда
и говорит мне на языке кобры:

стой

поворачивается и вот уже здесь
спину мою вычисляет
змеясь
пощади меня говорю ей
а она на языке кобры
мне возражает:

ты знаешь зачем я пришла
дорогая

e sabe pra onde vai

me envolveu com destreza
me apertou bem as pernas
me prendeu de jeito
até que meu peito
ficou maior
que a alma

um crec crac
de ossos quebrando
uma lágrima escorrendo:
parecia amor
a falta de ar
o sangue subindo pra cabeça

onde toda a história começa.

и знаешь что с тобой станет

вот она обертывается вокруг
стягивает меня
пока моя грудь
не становится
больше души

треск хруст
кости сломаны
слёзы текут:
это все как любовь:
нехватка воздуха
кровь в голове

когда всё только начинается.

Перевод Кирилла Корчагина

José Luis Bobadilla / México

La naturaleza es constante. Se insinúa, pero de modos sutiles. Sus insinuaciones pueden ser como la de dos liquidámbares en un estacionamiento, separados más o menos por tres metros. Hay que decir que es el inicio de la primavera. Estos árboles de altura semejante, de frondosidad parecida, son marcadamente distintos. Uno está completamente rojo, el otro, verde intenso y lleno de brotes. La individualidad es un hecho.

de dónde
a mitad del patio
esa hoja
fibrosa
rosa-oliva
limada en su punta
con los rastros
de un desprendimiento
abrupto y antiguo
de eucalipto
así
despostillada
aunque rebota
aún
el penúltimo brillo
de luz plata
y soba el piso
sisea
se desliza
de dónde
la energía
para sobre sus bordes
despegar

Хосе Луис Бобадилья / Мексика

Природа постоянна. Заигрывает, но тонко. Намеки у неё — как у двух ликвидамбаров на парковке, которых разделяют плюс-минус три метра. Нужно сказать, что сейчас начало весны. Эти деревья одинаковой высоты, у них схожая густота листвы, но они заметно отличаются. Одно — полностью красное, другое — ярко-зеленое, с бутонами. Индивидуальность — это факт.

откуда
в центре дворика
этот лист
жилистый
розово-оливковый
сглаженный на кончике
со следами
отслоения
резкого и давнего
от эвкалипта
такой
отколотый
хоть и отражает
все еще
предпоследний отблеск
серебряного света
и ощупывает землю
шепчет
ускользает
откуда
энергия
чтобы превзойти границы
оторваться

batirse
en rápidos
espasmos
hasta salir
en el dominio
de una ráfaga
y sumarse
al espacio

Los símbolos cabalgan de un lado para otro. Un caballo es el sexo pero también la disciplina. De ahí que la mejor poesía, la más natural, la menos retorcida, requiera menos apoyo, o nada de contexto.

pájaros
pequeños o grandes
nada sabemos desde aquí
pero trenzan sus trinos
ni suaves
ni pesados
trinos y ya
entre nosotros
al final del azul
descabalgándose
hacia el barranco claro del día
somos
fuimos
seremos
silbidos
cuerpos también
y atención

забиться
в быстрых
судорогах
прежде чем отправиться
во владение
вихря
и присоединиться
к космосу

Символы скачут в седле, туда-сюда. Жеребец это про пол, а ещё про дисциплину. Отсюда следует, что чем лучше поэзия, чем она более настоящая и менее накрученная, тем меньше ей нужна опора, а контекст вообще не нужен.

птицы

маленькие или большие
и дальше нам ничего неизвестно
но они плетут свои переливы
ни пленительные
ни печальные
переливы и вот
уже среди нас
под конец синевы
слезая с седла
к светлому ущелью дня
мы тут сейчас
мы были
мы будем
пересвистами
но и телами
и пристальностью

Перевод первого фрагмента Владимира Коркунова и Светланы Демидовой, второго фрагмента Наталии Азаровой

Trailer 1

Una chica desaparece en circunstancias misteriosas: otra
chica desaparece y luego
otra

y otra y otra y otra y otra y otra: no

hay motivos de alarma, explica
el jefe de la policía: según las estadísticas,
es normal que en México algunas chicas desaparezcan. Pero

una noche, un cuello, un alarido, unos colmillos ensangrentados:
hubo testigos:

¡las chicas han vuelto!:

una linterna que se enciende en medio de la oscuridad
sólo para iluminar el terror: una estampida de murciélagos:

¡las chicas han vuelto!:

rosas dentadas, tarántulas de terciopelo, rojas bocas del infierno:
son las mujeres vampiro

que del crimen, la muerte y el olvido han vuelto
como el karma, como
los remordimientos han vuelto, sedientas
de sangre y de venganza.

Трейлер 1

Сначала одна девушка исчезла при странных
обстоятельствах, затем исчезла другая, а затем
еще одна

и еще и еще и еще и еще и еще: нет

причин для беспокойства — прокомментировал
шеф полиции: согласно статистике
это нормально когда в Мексике исчезают девушки. Однако

вот ночь, вот шея, вот крики, а вот окровавленные клыки:
и были свидетели:

девушки вернулись!

один лишь фонарь, зажженный среди темноты,
чтобы осветить этот ужас: панику летучих мышей:

девушки вернулись!:

зубчатые розы, бархатистые тарантулы, красная глотка ада:
эти женщины стали вампирами

что же до преступления, то смерть и забвенье
обернулись кармой, больной
совестью — и вот они жаждут
крови и мести.

Las chicas han vuelto: una película de Luis Felipe Fabre.

Las chicas han vuelto: próximamente en cines.

Breve registro de algunos eventos artísticos
y otras experiencias escalofriantes
(fragmento)

Yo los conozco, a los artistas: sé

de sus tendencias, de sus relaciones
problemáticas

con los críticos, los coleccionistas,
los galeristas, los jurados, las instituciones,
los organizadores, los curadores, las bienales,
el público asistente a sus performances.

Yo los he visto: los he escuchado:

sé
cómo se les llena la boca
conjugando el verbo „problematizar".

Pero
de que son sensibles
son sensibles: me constan

sus buenas intenciones: sus inclinaciones
didácticas, sus tentaciones

terapéuticas: las ganas que tienen
de educarnos, concientizarnos, confrontarnos, despertarnos, liberarnos.

Yo los conozco, a los artistas.
Y a sus novias y a sus novios:

„No soy gay, soy bi."
O: „No soy bi, soy queer." O:

«Девушки вернулись» — лента Луиса Фелипе Фабре.

«Девушки вернулись» — скоро на экране.

Краткая заметка о некоторых арт-эвентах
и других леденящих происшествиях
(фрагмент)

Я знаю их, этих художников: знаю

об их тенденциях, об их непростых
отношениях

с критиками, коллекционерами,
галеристами, премиями, институциями,
организаторами, кураторами, биеннале,
с публикой на их перформансах.

Я видел их, я слышал их:

я знаю
как их рот наполняется
спрягая глагол «проблематизировать»

Но почему
они так чувствительны
так чувствительны: мне известны

их добрые намерения: их любовь
к дидактике, их терапевтические

искушения: их желание
учить нас, предупреждать нас, критиковать нас,
пробуждать нас, освобождать нас.

Я знаю их, художников.
Их гёрл- и бой-френдов:

«Нет я не гей, я би»
Или: «Нет я не би, я квир». Или:

„No soy *o*, soy *y*.“

E
incluso: “Prefiero ser claro desde el principio:
sólo lo hago como parte de un proyecto.”

«Нет я не *или*, я — *и*»

И
даже: «Я предпочитаю быть откровенным с самого начала:
все это только часть моего проекта».

Перевод Кирилла Корчагина

Ulises Paniagua / México

El umbral y la caricia

Lo que se deja en el lenguaje de la llama y la caricia
no es el áspero color a humedad de la entretela
no es la savia de la figura, el recorte de una presencia
el enlace de dos vientres, la persecución desenfadada
ni el vahído, el acercamiento.

Lo que se deja en el lenguaje de los que aman
-cuando en el umbral se aman-
es alba intuición, ese algo, cualquier algo
fragata en hundimiento a la cual asirse con enardecidas zarpas:
lo que semeja al color, a la presencia, a ese vahído.

Un letargo atemporal que florece
que no se palpa con la memoria ni las yemas de lo mirado.
Eso es lo que queda:
el arrullo de luz, el perfume de un halo, la púrpura oscilación en la cuerda.

1976

El terremoto de 1985
El terremoto del 2017
El terremoto que vendrá
La epidemia del VIH
La epidemia de influenza
La crisis económica de 1994
La crisis económica del 2016
El levantamiento zapatista

Улисес Паниагуа / Мексика

Порог и ласка

То, что осталось в наречии пламени и ласки
это не резкая краска для влажной подкладки
это не жизненный сок фигуры, не обрезка присутствия
не брак двух брюх, не беззаботное домогательство
и ни обморок, ни сближение

То, что осталось в наречии тех, кто любит
— когда они любят, застыв на пороге —
наитие добела раскалённое, любое, какое угодно
идущий ко дну фрегат, в который вцепляешься воспалёнными когтями:
то, что похоже на краску, на присутствие, на этот обморок

Спячка вне времени, которая расцветает
которая не прощупывается ни памятью, ни желтками увиденного
Вот то, что осталось:
воркование света, аромат солнечного нимба,
пурпурное колебание струны.

1976

Землетрясение 1985-го
Землетрясение 2017-го
Землетрясение которое ещё будет
Эпидемия ВИЧ
Эпидемия гриппа
Экономический кризис 1994-го
Экономический кризис 2016-го
Восстание сапатистов

El otro levantamiento zapatista
El arribo de los Bush
Los muchos Trump
La guerra en Medio Oriente
La siguiente en Medio Oriente
La más reciente guerra en Medio Oriente
Bagdad demolido
El mundo del islam en pedazos
Buda estallando de vergüenza
La vergüenza estallando en Buda
Los decapitados en internet
Los decapitados en Colombia
Los decapitados en México
Los decapitados en el mundo
La caída del Muro de Berlín
La caída del mercado inmobiliario
La caída de las Torres Gemelas
Los primeros feminicidios
El horror
Los siguientes, los eternos feminicidios
Los días, los eventos, los horrores
Los días, los eventos, los horrores
Los días, los eventos, los horrores
Y yo aquí
aburrido
en el mismo piso
pensando que durante mi vida
no ha sucedido algo importante.

Ещё одно восстание сапатистов
Явление Бушей
И всяких прочих Трампов
Война на Ближнем Востоке
И ещё одна на Ближнем Востоке
Самая свежая война на Ближнем Востоке
Багдад разрушен
Исламский мир вдребезги
Будда взорванный из целомудрия
Целомудрие взорвавшееся в Будде
Обезглавленные в Интернете
Обезглавленные в Колумбии
Обезглавленные в Мексике
Обезглавленные во всём мире
Падение Берлинской стены
Падение рынка недвижимости
Падение Башен-близнецов
Начинаются убийства женщин
Все в ужасе
Всё новые, бесконечные убийства женщин
Дни, события, ужасы
Дни, события, ужасы
Дни, события, ужасы
Ну и я тут
в унынии
всё на том же этаже
в мыслях о том, что на моём веку
ничего важного не случилось.

Перевод Дмитрия Кузьмина

Márcio-André / Brasil

* * *

sair de casa sem o idioma e voltar ao mundo
    pelo caminho mais curto
sair da cidade e sair do nome
    à espera que
    da ausência de antônimos
    surja uma qualquer semântica
    de afetos selvagens
toda fronteira é mais verbal que física:
no perímetro da língua
    todo um contorno de corpo
e os pensamentos
    só existem enquanto pensados
    na erosão do limite
    da expectativa do som
    pelo mínimo dialeto das máquinas:
serão as máquinas nossa única herança
    as únicas que nos rangerão
    versos de amor até o fim
com sua devoção aos mantras
    tentarão compor obra maior que a vida
sem entender que a única tarefa
    razoável do poeta
    é noticiar o fim do mundo

Марсио-Андре / Бразилия

* * *

выйти из дома без языка и вернуться к миру
    самой короткой дорогой
покинуть город, оставить имя
    в надежде на то, что
    из отсутствия антонимов
    возникнет семантика
    диких аффектов
граница всегда скорее вербальна чем материальна
а периметр языка
    заключает в себе контур тела
а мысли
    живут пока мыслимы
    пока ожидаемая
    продолжительность звука
    распадается в аскетичном
    машинном наречии:
ведь только машины останутся после нас
    только они проскрежещут нам
    стихи о любви в самом конце
посвященные в мантры они захотят
сочинить то что превзойдет жизнь
не знают что единственная задача
    достойная поэта
    запечатлеть конец мира

* * *

a maquete de um templo é templo
ouro refilando ouro:
não se deve duvidar dos nomes que se dão aos deuses
ou a qual graça
as antenas devotam seu silêncio
parabólicas para meca:
um templo dentro da oração
onde o poeta não existe — cala
enquanto as palavras são ditas:
quem faz o poema
é a ausência de quem escreve e lê
ao tornar-se verbo
do destornar-se nada:
falar da antimatéria e desfazê-la em matéria
debulhar o *anti* em tudo
até palavra puramente coisa
até certeza de que
o poema não dá conta da vida
tanto quanto a vida não dá conta do poema:
autógeno — o poema *é* de si para si
no espaço menos o tempo
e ensina somente
que poesia é a arte do fracasso

* * *

модель храма — это храм
вытравленное золото — золото
не нужно сомневаться в божественных именах
или в том зачем
антенны посвящают свое параболическое
молчание мекке:
храм внутри молитвы
там где уже нет поэта — молчи
пока произносятся речи:
стихотворение создается
пока нет того, кто пишет или читает
чтобы воплотиться в глагол
расколдовав ничто:
речь антиматерии разрушающейся в материи
анти перемалывающиеся во всё
пока не появится чистая вещь речь
пока не станет понятно, что
стихотворение не дает отчета о жизни
как и жизнь не дает отчета о стихотворении:
как самородок — стихотворение в себе для себя
в пространстве но не во времени
и учит только тому
что поэзия — искусство провала

Перевод Кирилла Корчагина

Marisa Martínez Pérsico / Argentina

* * *

Las cosas regresan a su cauce
resucitan en manos intrusas de su origen
se acomodan de a poco
en otros hábitos.
Tu peine
tus monedas tendidas en un vaso de lata
se traducen de gozo en un café
mientras la tarde
llueve a través de mi silencio.
¿Qué porvenir tendrían tus monedas?
¿Qué acopio inaccesible te quedó en el tacto?
¿Una bolsa de pan?
¿Una corbata?
¿El asombro?
Así improviso una agenda imaginaria
una tregua que enlace otra vez nuestros caminos
donde el cuerpo te abrigue
de nuevo
la nostalgia.
Donde haya todavía.

Ljubljanica Sava

Se esfuman ciertos gestos
del crucero que hicimos por Ljubljana.

Мариса Мартинес Персико / Аргентина

* * *

Вещи возвращаются в свое русло
восходят в чужих руках к своему истоку
привыкают понемногу
к другим привычкам.

Твоя гребенка
Твои монеты брошенные в жестянку
Они переводят радость в кофе
В то время как вечер
дождем пересекает мое молчание.

Какое будущее ждет ваши деньги?
Какое накопление недостижимое получишь на ощупь?
Торбу с хлебом?
Галстук?
Страх и ужас?

Такова внезапная воображаемая повестка дня
Передышка, когда снова сливаются наши пути
Там, где тело тебя укрывает
сызнова
эта тоска
Там, где ты остаешься.

Люблянница Сава

Исчезают образы и жесты
нашего круиза по Любляне.

Las sensaciones aéreas,
cómo el viento jugaba con mi falda,
cómo el agua cantaba en movimiento.
Allí toqué,
por un segundo,
el alfiler agudo de la dicha,
pero fue tan leve al tacto
que lo perdí al doblar el primer puente,
donde aprieta el pasado
como un zapato antiguo y defectuoso
que aún quisieras ponerte.

Навеваемые ласки:
Как ветер играл с моей юбкой развязно
Как вода пела и хлюпала в такт
Слабый укол
острой булавки счастья
такой мимолётный
царапнул и канул под первой же аркой моста,
где прошлое тенью сдавило тесно и плотно
как старый ботинок, в который напрасно
пытаешься ногу втолкать

Перевод Светы Литвак при участии Ани Орлицкой

Frank Báez / República Dominicana

En la Biblia no aparece nadie fumando

Pero qué tal si Dios o los que escribieron la Biblia
se olvidaron de agregar los cigarros
y en realidad todas esas figuras bíblicas
se pasaban el día entero fumando
al igual que en los cincuenta en que se podía fumar
en los aviones y hasta en la televisión
y yo imagino a todos esos gloriosos judíos
llevándose sus cigarrillos a los labios
y expulsando el humo por las narices
en lo que aguardan
por sus visiones o porque Dios les hable,
e imagino a David tocando el harpa
en un templo lleno de humo,
a Abraham fumando cigarro tras cigarro
antes de decidirse a matar a Isaac,
a María fumando antes de darle a José
la noticia de que está embarazada,
e incluso imagino a Jesús sacando un cigarro
de detrás de la oreja y fumando
para relajarse antes de dirigirse a las multitudes
reunidas en torno suyo.
Yo no soy un fumador.
Pero a veces me vienen ganas y fumo
como en este instante en que miro la lluvia
caer tras la ventana
y me siento como Noé cuando esperaba
que pasara el diluvio y se la pasaba
de arriba a abajo por toda el arca
buscando donde había puesto
esa maldita cajetilla.

Франк Баэс / Доминиканская республика

В Библии никто не курит

Что было бы если бы Бог или кто там написал Библию
забыв упомянуть о сигаретах,
но все эти библейские персонажи на самом деле
ни дня без курева не проводили,
как в пятидесятые, когда и в самолетах
и по телевидению курить было можно,
и я представляю себе этих ветхозаветных евреев,
как они берут в зубы цигарки
и пускают дым из носа
в то время когда они ожидают чуда
или сам Бог говорит с ними,
я представляю себе как царь Давид
играет на арфе в прокуренном храме,
и Авраам курит сигару за сигарой
прежде чем принести в жертву Исаака,
и Мария курит прежде чем Иосифу поведать
что она ждет младенца,
я даже могу себе представить как Иисус
достает из-за уха папиросу и курит,
чтобы передохнуть прежде чем обратиться к народу,
который вокруг него столпился.
Я человек некурящий.
Но иногда и мне закурить охота,
например, в момент когда я за окном вижу,
как не унимается дождь проливной,
и я представляю себе Ноя
в ожидании конца потопа,
и как он носится туда-сюда по ковчегу
в поисках того заколдованного места,
куда он положил эту проклятую пачку.

Перевод Вячеслава Куприянова

Giovanny Gómez / Colombia

Tiempos

Hablo de los días y las noches
del trepidar de calles
del sol que perjura en sus navajas
Hablo de una llaga en mi espalda
donde el peso del mundo duele
de lo único que no dejan ver los cristales
del rencor y su transparencia en la sangre

Hablo de un animal dormido
y compases de vals con mariposas en mi alberca
Hablo de no poder ignorar las auroras con sus muertos
de mis manos sudorosas
de las paredes donde se oculta el amor
del dios que canta en esas orillas
donde se rompen las olas

Maligna escribe a un poeta del sur

Te espero mirando distraído
la mala forma de mi sombra
como si tantos años persistieran en un solo gesto
Si la memoria „palpitara"
y preguntaras por las luces que a mi espalda se apagan
por la promesa que nunca dijiste
despertaría del sueño
intuyendo en mi cara un rostro del sur
el sur que tanto te conoce
y para mal las estrellas confunden porque eres libre

Джованни Гомес / Колумбия

Времена

Говорю о днях и ночах
о трепете улиц
как солнце на ножике лживо клянётся
Говорю о ране в моей спине
как тяжести целого мира
единственном чего в зеркале не увидеть
о злобе и как её кровь прозрачна

Говорю об уснувшем звере
и танце бабочек в моём пруду
Говорю что нельзя не заметить зари с мертвецами
в моих потных руках
о стенах где скрыта любовь
о боге поющем на берегах
о которые бьются волны

Злобное послание южному поэту

Я жду тебя рассеянно глядя
на скверный образ собственной тени
словно так много лет вместилось в один жест
Если бы память пульсировала
и ты спросил об огнях гаснущих на моей спине
о не произнесённом тобой обещании
я бы проснулся
угадал бы в своём лице лицо юга
юга который так хорошо тебя знает
злые звёзды сбивают с толку ведь ты свободен

Libre de estos pies que caminan donde la luz baila
libre de este pleno día donde el silencio
dice que te es posible escuchar

Cristales rotos

El sol calienta la niebla roja
y gente sola entre murmullos se ven más que el horizonte
Si yo supiera empujar más fuerte el aire que alimenta estos hornos
si los tubos sopladores dejaran a un lado
estos cocodrilos de fuego
qué vendría a tus manos antes de estallar?
Peces pequeños con el sol tatuado en su piel
bajan de los árboles como si fueran racimos
como si la lluvia barriera el mar
Nunca dices „cuidado“ cuando preguntas por sentimientos
extrañar es mucho más que las orillas del camino
cubriéndose de oscuridad
y al repetir palabras como „no volvió más“
también siento odio por un vaso de agua al despertar
Cristales rotos cubrirían su corazón

Будь свободен от ног ходящих там где танцует свет
свободен от этого ясного дня где тишина
говорит тебя можно услышать

Перевод Николая Звягинцева

Битые стекла

Солнце раскаляет красный туман
и толпа одинокая среди бормотания видна дальше горизонта
Если б я мог посильнее толкнуть воздух питающий эти горны
если бы сопла сдвинулись в сторону
эти огненные крокодилы
что б оказалось в твоих руках перед взрывом?
Маленькие рыбки с солнцем наколотым на чешуе
свисают с деревьев словно грозди
как будто дождь смыл море
Никогда не говори «осторожно» спрашивая о чувствах
тосковать нечто большее чем берега дороги покрывающиеся тьмой
и повторяя слова вроде «она так и не вернулась»
я тоже ненавижу стакан воды после пробуждения
Битые стекла покроют ей сердце

Перевод Артема Серебренникова

Nilton Santiago / Perú

Curiosidades de animales

El frío entra en la lágrima.
20 palestinos caminan sobre una gota de rocío y en Oaxaca han
secuestrado a un colibrí.
Nadie sabe por qué, pero el abrazo de un migrante yace sobre las vías de
un tren, abandonado entre caricias borradas con quitamanchas.
Sería su destino, diría el padre de mi madre, todos somos un ratón
de laboratorio en una partida de ajedrez.
„No obstante compartir el 95% de sus genes con los humanos,
los ratones no sueñan papá“ —le dice mi madre.
El ajedrez es un juego de viejos, abuelo.
„La higuera envejece, pero cada día me trae más mariposas“ —
me responde él.
Una farmacéutica enciende un cigarrillo y se peina con una osamenta
de pescado.
Le da igual que mi abuelo haya ido a extraerse una iguana del corazón.
Cierro los ojos: mi abuelo entra a casa con una bolsa llena de patas de pollo.
A mi abuelo le gustan más las patas de pollo que los partidos de izquierda.
Está harto porque en el sindicato hasta las peceras son una república
populista con un presidente medusa.
El cuerpo de la medusa inmortal es un 96% agua de lluvia —dice mi abuelo.
Abro los ojos: salgo del trabajo con el corazón hecho añicos.
El frío cree que la lágrima es un trozo de mar.
Han pasado tantos años, tantísimos años desde que me llamaste oso
de anteojos, oso perezoso.
No sé por qué, pero la vida de las plantas de interior le interesa más
a la prensa que 20 palestinos colgados de una estrella.
El Oaxaca han ejecutado finalmente al colibrí.
Nadie quiso pagar el rescate, aunque ahí los tulipanes son la calderilla
de los ángeles.

Нильтон Сантьяго / Перу

Эти удивительные животные

Холод входит в слезу.
По капле росы идут двадцать палестинцев и в Оахаке берут
в заложники колибри.
Поцелуй мигранта покоится у железной дороги, затерянной среди
застиранных ласк, — почему?
«Такая участь ему выпала, — говорит матери отец. — Все мы —
лабораторные мыши в этой шахматной партии».
«Хотя ДНК мыши на 95% совпадает с человеческим, мыши не видят
папу во сне», — возражает мать.
«Шахматы — это игра для стариков, дедушка», — говорю я.
«Смоковница стареет, но с каждым днем привлекает все больше
бабочек», — отвечает он мне.
Аптекарша закуривает и чешет волосы рыбьим скелетом.
Ей плевать, что дедушке вырежут игуану из сердца.
Закрою глаза: дедушка возвращается домой с полной сумкой
куриных лап.
Он голосует за куриные лапки, а не за партии левого толка,
и уже сыт по горло профсоюзом народных аквариумов
с президентом-медузой.
«Эта бессмертная медуза — на 96% дождевая вода», — говорит дедушка.
Открою глаза: я возвращаюсь с работы, и сердце мое разбито
в осколки.
Холод думает, что слеза — это частичка моря.
Столько лет прошло, столько долгих лет, с тех пор как ты называла
меня: ленивец, мишка-ленивец.
Не знаю, почему, но журналистам жизнь комнатных растений
интересней, чем двадцать палестинцев, подвешенных на звезде.
В Оахаке всё же казнили колибри.

(Aunque también se dice que el otro día en México un policía falso
detuvo a uno verdadero).
El frío sale de la lágrima con una bufanda.
Se acaba de enterar de que el organismo del oso perezoso deja
de funcionar a las dos semanas de haber muerto.

La hermenéutica del caracol

Me juego una semilla de girasol
a que nadie sabía que las ovejas no beben agua en movimiento
o que, de promedio, una persona tiene más de 1460 sueños al año
eso sí, sabemos que algunos búhos seducen a los árboles
para llevarse de paseo la sonrisa de los suicidas
o, simplemente, para beber las lágrimas que Baruch Spinoza abandonó
cuando se enteró de que sus filosofadas sobre la „sustancia divina infinita"
(que para él era la *realidad* o *Dios*) eran un cuento chino.
Es cierto, la vida se parece demasiado a un montaje de Brecht
y muchas veces la soledad nos pilla los dedos
aunque vayamos de monjes zen o de fumadores de albahaca
dímelo tú, que pasas frío en mi corazón
y te niegas a salir de casa sin un extintor para besos de alto voltaje.
(Un extintor puede que sea tan inocente como un cuchillo de madera
que regresa al bosque para atentar contra los aserraderos).
Siguiendo esta misma lógica, ahora pienso que el océano que tienes bajo
tu cama
tiene los modales de un gato, es decir, cuando le da la gana
escupe botellas con mensajes de amor como si fueran una bola de pelo.
Sería un crimen decir que para algunos filósofos presocráticos
las veinteañeras están llenas de buenas intenciones
o que las mariposas filosóficas son la solución para olvidar a Wagner,
es verdad, como ellos, también hay astrónomos que no saben llevar
una bicicleta
y confunden fácilmente estar enamorados
con tener ganas de comerse uno de los hoyuelos de tus mejillas
pero qué demonios, a todos nuestra primera novia nos dejó el corazón
hecho añicos

Никто не хотел платить выкуп, хотя в тех местах тюльпаны —
это монеты ангелов.
(Хотя вот еще пишут, в Мексике фальшивый полицейский арестовал
настоящего.)
Холод покидает слезу, нацепив шарф.
Он вычитал, что организм ленивца продолжает функционировать
две недели спустя после его смерти.

Перевод Ивана Мишутина

Герменевтика улитки

Спорю на подсолнечное семечко:
никто не знал, что овцы не пьют на ходу
или что в среднем человек видит 1460 снов в год
ну да, мы знаем, что сова может соблазнить дерево
и на лету научиться улыбке самоубийцы
или просто-напросто выпить слезы Спинозы
пролитые им над философадами о «бесконечной божественной
субстанции»
(она же — *реальность*, *Бог*), оказавшейся лишь китайской сказкой.
Верно, жизнь слишком похожа на постановку Брехта
и одиночество прихватывает пальцы
когда мы прикидываемся дзенскими монахами или курильщиками
базилика,
ты мне скажи, ты, что мерзнешь в моем сердце
и отказываешься выходить из дома без огнетушителя для
высоковольтных поцелуев.
(Огнетушитель может быть невинней деревянного ножа,
вернувшегося в лес, чтобы разобраться уже с лесопилкой.)
В рамках этой же логики я сейчас думаю, что под твоей кроватью океан
и у него кошачьи повадки, то есть он, когда вздумается,
выблёвывает бутылки с посланиями о любви, будто комочки шерсти.
Преступно было бы говорить, что для некоторых досократиков
двадцатилетние девушки полны добрых намерений
или что философические бабочки — способ забыть Вагнера,
зато правда, что некоторые космонавты тоже не умеют ездить
на велосипеде
и постоянно путают влюблённость с желанием
съесть одну из ямочек у тебя на щеках,

y todos en mi país creímos que la lucha armada no se nos iría de las manos.

Bien sabes que no hace falta secuestrar la conciencia de un oficinista
para darte cuenta de que a este mundo le falta un tornillo:
es sociológicamente admisible saquear un banco o engañar a un querubín
con comida para aves a cambio de entrar al cielo,
pero si denuncias a un político que ha ganado la lotería 20 veces en un año
probablemente tendrás que empacar tus lágrimas y tirarlas por el retrete
no obstante no os hagáis los despistados,
escribid con una pluma de vuestra espalda,
salid a la calle sin abrir las alas
y veréis que tampoco vosotros sois los que creíais.

Diario del granjero Vietnamita que lleva sin dormir desde 1973

Thai Ngoc es una libélula jubilada, como el amanecer.
Thai Ngoc se despertó como cualquier día convencido de que era
un hombre vietnamita que vive al pie de una montaña.
Thai Ngoc sabe que ni los quebrantahuesos escogen la soledad ni las
veinteañeras qué soñar por las noches así que, desde el año 1973, después
de una intensa fiebre corporal, el señor Ngoc decidió dejar de dormir.
Thai Ngoc empieza el día pidiéndole a los cipreses que le devuelvan las
lágrimas de todos los médicos que se han roto el coco pensando en por qué
demonios no puede dormir.
Thai Ngoc luego se va a desayunar con las ranas un zumo de melón.
Thai Ngoc sabe perfectamente que las mujeres son más complicadas que el
álgebra para las rosas, así que cada día le regala un ramo de besos a su mujer.
La mujer de Thai es una campesina jubilada que está convencida de que es
una libélula.
La mujer de Thai lava los platos sucios con los sueños de los peces.
Thai Ngoc es como un héroe para los loros kakapos de la comunidad de *Que
Trung* y su más grande sueño es tener sueño.

но какого чёрта, ведь от первой девушки всем нам досталось
разбитое вдребезги сердце
и верили всей страной мы, что революции не будет без нас.

Тебе хорошо известно, можно и не взламывать мозг менеджера,
чтобы выяснить — этому миру не хватает какого-то винтика:
социально приемлемо ограбить банк или приманить ангела
птичьим кормом, чтобы обманом пробраться на небо,
но, если ты донесешь на политика, который за год 20 раз выиграл
в лотерею,
скорее всего, тебе придется взять свои слезы и спустить в унитаз,
и тем не менее, если не делать глупостей,
записывать всё только спинным пером,
выходить на улицу, не раскрывая крыльев,
можно увидеть — вы совсем не те, кем себя считали.

Перевод Светланы Бочавер

Дневник крестьянина из Вьетнама, который не спит с 1973 года

Тхай Нгок — стрекоза на пенсии, словно утренний луч.
Тхай Нгок как обычно проснулся, уверенный, что он — вьетнамец,
живущий у подножия горы.
Тхай Нгок понял, что гриф-ягнятник не выбирает одиночество,
а двадцатилетние не выбирают, что видеть во сне, поэтому в 1973 году,
после изнурительной лихорадки, господин Нгок решил больше не спать.
Тхай Нгок начинает день с молитвы кипарисам, чтобы те простили ему
слезы всех врачей, которые расшибли себе лоб, размышляя,
какого же черта он не может уснуть.
Тхай Нгок завтракает с лягушками — дынным соком.
Тхай Нгок отлично знает, что женщины сложнее, чем алгебра для роз,
и поэтому каждый день дарит жене букет поцелуев.
Жена Тхая — крестьянка на пенсии, убежденная, что она — стрекоза.
Жена Тхая моет посуду, запачканную рыбьими снами.
Тхай Нгок — герой для попугаев какапо из провинции Куангнам,
и он спит и видит, как бы только уснуть.
Тхай Нгок иногда нанимается в семью летучих мышей — готовить им
ужин, иногда — соседи дают ему пару монет, чтобы бил в барабаны
или в гонг ночью на черепашьих похоронах.

Thai Ngoc a veces es contratado por un par de murciélagos para que les
haga la cena, otras veces, sus vecinos le dan un par de monedas para tocar
los tambores o los gongs en los funerales nocturnos de las tortugas.
Thai Ngoc dice que se siente „como si fuera una planta sin agua“.
Thai Ngoc también dice que los perros no tienen religión pero sueñan,
así que es lo mismo.
Thai Ngoc cree, no obstante, que el mejor amigo del hombre es la lluvia.
Thai Ngoc es una libélula jubilada que no sabe quién es Thai Ngoc
cuando llueve.
Thai Ngoc seguirá despierto aun cuando este poema haga que
Ud. se muera de sueño.

Тхай Нгок говорит, что чувствует себя, «как растение без воды».
Тхай Нгок говорит, что у собак нет религии, но они видят сны,
а это одно и то же.
Тхай Нгок, все же считает, что лучший друг человека — это дождь.
Тхай Нгок — стрекоза на пенсии, которая во время дождя забывает,
кто такой Тхай Нгок.
Тхай Нгок не уснет, даже когда от этого стихотворения вам
до смерти захочется спать.

Перевод Ивана Мишутина

Andrea Cote Botero / Colombia

Desierto

La tierra que jamás quiso tocar el agua
es el desierto que al norte está creciendo
como un estrago de luz.
Pero los hombres que han visto el despoblado,
su amplitud sin sobresaltos,
saben que no es cierto que la tierra esté reseca por capricho
o sin ninguna bondad,
es nada más su manera de mostrar
lo que transcurre en claridad
y sin nosotros.

Puerto quebrado

Si supieras
que afuera de la casa,
atado a la orilla del puerto quebrado,
hay un río quemante
como las aceras.
Que cuando toca la tierra
es como un desierto al derrumbarse
y trae hierba encendida
para que ascienda por las paredes,
aunque te des a creer
que el muro perturbado por las enredaderas
es milagro de la humedad
y no de la ceniza del agua.

Андреа Коте Ботеро / Колумбия

Пустыня

Вот земля, которая никогда не притрагивалась к воде:
это пустыня, она разрастается к северу —
истребленная светом.
Но кто наблюдал её пустоту,
ее бессобытийный размах,
знает, что эта земля не могла иссохнуть по прихоти
и без какой-либо доброй цели,
нет, тут именно так показывают,
как что-то происходит в ясности
и без нас

Перевод Дмитрия Кузьмина при участии Светланы Бочавер

Разорённый порт

Знал бы ты,
что за домом есть
река, привязанная к берегу с разорённым портом,
и эта река обжигает ноги,
как мостовая.
И, коснувшись земли,
она, как пустыня, рушится
и несёт подожжённую траву,
а та карабкается по берегам,
пусть даже ты считаешь,
что вмешательство плюща в стену —
это чудо, сотворённое сыростью,
а не пеплом воды.

Si supieras
que el río no es de agua
y no trae barcos
ni maderos,
sólo pequeñas algas
crecidas en el pecho
de hombres dormidos.
Si supieras que ese río corre
y que es como nosotros
o como todo lo que tarde o temprano
tiene que hundirse en la tierra.

Tú no sabes,
pero yo alguna vez lo he visto:
hace parte de las cosas
que cuando se están yendo
parece que se quedan.

Знал бы ты,
что река — это вообще не вода
и она не несёт кораблей,
ни деревьев,
а только малюсенькие водоросли,
выросшие на груди
уснувших людей.
Знал бы ты, что это река бежит,
и что она, как и мы,
как всё, рано или поздно,
должна утонуть в земле.

Ты не знаешь,
но я иногда её видела:
она только часть того,
что уже уходит,
но кажется, что остаётся.

Перевод Светланы Бочавер при участии Наталии Азаровой и Дмитрия Кузьмина

De ausencia

Es para el dios de lo deshabitado
que se alzan templos invisibles
en la borrasca del desierto.
Es para él
que los árboles enanos inclinan en la arena
sus ramas
humildes,
fervorosas.
Es para que no te aferres
que existe un dios de la ausencia,
señor del desierto
y de las cosas que,
como la sombra,
existen por la fuerza de la luz que las rechaza.

Об отсутствии

Это для бога необитаемых пространств
воздвигаются невидимые храмы
в песчаной буре.
Это для него
карликовые деревца клонят на песок
свои ветки
смиренные,
усердные.
Чтобы не был ты таким цепким,
для того и существует бог отсутствия,
повелитель пустыни
и всего, что,
как тень,
творится силой света, их отрицающего.

Перевод Светланы Бочавер при участии Наталии Азаровой

Jamila Medina Ríos / Cuba

Estigia

Febrero y no octubre rojo / novilunio y no noviembre y no domingo
(sangriento). / Desde Petrogrado la prolongación de las riberas: / Trotsky
bajo la metralla /

la Guardia Roja, soldados y marineros / (no confundir con el Ejército Blanco,
con el Ejército Verde, con el Ejército Negro) / contra los cadetes y el batallón
de novias /

de la muerte / cuidándose de preservar las paredes verde claro del Palacio
de Invierno / el Campo de Marte dragado muchas veces por la flota / —Lenin

inmerso en las Tesis de Abril— / para enterrar a los combatientes de la
revolución /
—Lenin volviendo a una ciudad ahora llamada Leningrado— / Rusia,
1940 polacos /

velados / bajo los abetos rojos de Katyn / Trotsky con frío en la frente abierta
por una pica / Leningrado con el pan y el presupuesto recortados / quemando

sus casas de madera pero nunca sus árboles / premiando la conservación del
verde bajo el cerco: / enmascarados por los pintores: / la fábrica Kírov como
un macizo

forestal / Smolny como un enorme claro en el bosque /
Rusia, 1945 alemanas desfloradas *sobre la marcha*/ y a cambio sus hombres
exhibiendo

Хамила Медина Риос / Куба

Стикс

Красный февраль а не октябрь / новолуние но не ноябрь и не
воскресенье (кровавое). / Ещё с Петрограда длятся берега: / Троцкий за
пулеметом /

Красная гвардия, солдаты и матросы / (не путать с Белой, а также
Черной и Зеленой) / против юнкеров и батальона невест /

смерти / пытаются сохранить светло-зеленые стены Зимнего дворца /
Марсово поле столько раз перепаханное флотом / — Ленин

погружен в «Апрельские тезисы» — / чтобы похоронить бойцов
революции / — Ленин возвращается в город теперь известный как
Ленинград — / Россия, 1940 поляки /

погребённые / под красными елями Катыни / Троцкий с холодным
лбом пробитым
ледорубом / Ленинград с урезанным хлебом и бюджетом / жжёт

деревянные дома но ни в коем случае не деревья / поощряет
сохранение зелени в условиях блокады: / замаскированные
художниками / Кировский завод как лесной

массив / Смольный как огромная лесная поляна / Россия, 1945
немки обесчещенные *в походных условиях* / и с другой стороны их
мужчины

sobre las ramas, en *el camino de la vida*/ la polacada sangrante del verano /
intactas sus venas por el hielo. / Maniluvio: / la boca de esta muchacha
japonesa

envenenada / *huele a violetas* / a violetas las casacas / la besaron los ingleses /
la besaron los franceses y los rusos / pero *la sangre sólo huele a sangre* /

aunque reguemos abundantemente las palmas / de las manos /
dos mil veces *en la penumbra tibia de la casa real* / o haciéndolas correr

por *las riberas* de la Estigia, *florecidas de loto* / que son una infinita y sola
ribera / larga como una longaniza / rosa como la herida de las violadas. //

Ovación

Entro en el submundo de los veedores del fútbol
como en las arcas del Infierno —por supuesto—
hay risas gritos humo de cerveza
y ese olor tan característico…
hay torneos:
los veedores se piden las cabezas
se amenaza con violar al cabecilla
o a la novia del cabecilla
de cada bando contrario.
Tiemblo
me pregunto quién será el cabecilla de nuestro bando
sé que a este hora
ningún striptease los sacará de quicio
los meterá en cintura
con el ojo en el gol
pero también sé que si perdiéramos
si fueras tú el cabecilla
olvidado de ti
me violarán 1-2-3 mil vencedores
no mirando mi carne
sino la portería.
Maldito cuerpo de mujer
con esta forma de falsa valla
red encubierta

кажущие срам в кустах на *жизненном пути* / кровавое летнее
поляковние / её вены не заледенели. / Омовение рук: / ротик этой
японской девочки

отравлен / *и пахнет фиалками* / фиалки, куртки / ее целовали англичане /
целовали французы и русские / но *кровь пахнет только кровью*

как бы ни омывали кисти / рук / в *мутноватом полумраке королевского
дворца* / или не пускали их в бега /

вдоль берегов Стикса *зацветших лотосом* / которые на самом деле
один сплошной непрерывный берег / длинный как сосиска / розовый
как рана изнасилованных //

Овация

В мирке футбольных болельщиков
как в чертогах преисподней — разумеется —
смех крики пивной чад
и такой специфический запах…
там есть турниры:
болельщики требуют друг у друга головы
угрожают изнасиловать главаря
или подружку главаря
каждой банды соперников.
Я дрожу
спрашиваю себя кто будет главарем нашей банды
знаю что в этот час
никакой стриптиз не выведет их из себя
наоборот раззадорит
следящих за голами
но также я знаю что стоит нам проиграть
если ты будешь главарем
не тебя а меня
изнасилуют
одна-две-три тысячи победителей
глядящих не на моё тело
а на ворота.
Проклятое женское тело
формой напоминающее

que no tiene el valor de la penetración en público.
A fin de cuentas
qué es un gol sino una violación
cien mil veces aclamada
—bajo el cielo—
en la garganta abierta del estadio.

поддельную сетку ворот
не имеющее ценности публичного проникновения.
В конце концов
что такое гол если не изнасилование
стотысячекратно одобренное —
под небесами —
распахнутой глоткой стадиона.

Перевод Марии Малиновской при участии Артема Серебренникова

Itinerário

No avião você quer que eu feche a janela,
mas, veja, as minhas mãos estão atadas.
Este vento atinge sobretudo seu rosto
porque este vento é sobretudo a imagem
que você escolheu da sua filha morta e
da qual você não sabe ainda como se desfazer.
No entanto sabemos — e com alguma segurança —
que a ressurreição como queríamos é apenas
uma hipótese distante. Daí que talvez seja preciso
escolher entre paciência e pressa. E por enquanto
é você a responsável por diferenciar uma da outra.
Neste instante a aeromoça se assusta com o vento,
mas também não sabe o que fazer. Veja,
minhas mãos estão atadas, diz ela, vou chamar
o comandante. E o comandante não vem.
Parece tristeza, mas é menos sutil porque não termina
e então aquilo que reconhecemos como felicidade
de alguma forma se mostra atávico e descontínuo.
Alguém quer trocar de lugar? Você, parece,
se distrai com alguns comentários meus sobre
o livro da Isabel Allende que fala disso e daquilo.
Nesse caso as lágrimas são mero detalhe.
As minhas representam o mais perto que já cheguei
do que meu pai chama de amor desinteressado.
As suas são a visão mais nítida que já tive daquilo
que conhecemos por — me perdoe a expressão —
ferida aberta. O vento desarranja todo o seu longo
cabelo e seus pensamentos, como o avião em que
estamos, atravessa um oceano de certezas descritivas.

Маршрут

В самолёте вы меня попросили закрыть окно,
но вы же видите, у меня связаны руки.
Этот ветер в первую очередь бьёт вам в лицо,
поскольку в первую очередь этот ветер — образ,
вы его выбрали, он означает вашу умершую дочь,
и теперь вы не знаете, как от него избавиться.
Мы знаем, однако, и даже с известной уверенностью,
что чаемое нами воскресение — это не более чем
призрачный шанс. Значит, возможно, придётся
выбирать между долготерпением и спешкой. Ну, а пока
вы в ответе за то, чтобы одно отличать от другого.
Между тем стюардесса всерьёз напугана ветром
и тоже не понимает, что делать. Видите,
у меня связаны руки, говорит она, лучше я позову
командира. Но командир не приходит.
Это вроде тоски, но не столь тонко, раз не кончается,
а вот то, что мы принимаем за счастье, так или иначе
оказывается атавизмом, всё время рвётся.
Кто-нибудь хочет поменяться местами? Вы как будто
отвлеклись на мои замечания по поводу одной
книги Исабель Альенде, трактующей о том и о сём.
Выходит, что эти слёзы — лишь мелочная деталь.
Мои — настолько близки, насколько мне это доступно,
к тому, что мой отец называет бескорыстной любовью.
Ваши — настолько ясно, что я не видал яснее,
свидетельствуют о — прошу прощения за пафос —
незаживающей ране. Ветер врывается в ваши
длинные волосы, в ваши мысли, как этот наш самолёт,
пересекая океан описательных очевидностей.

Pedro e o logro

Esta história envolve diretamente um gato
e um pássaro. O gato chama-se Colignon,
mora conosco há alguns anos. O resto
importa pouco ainda mais daqui a um tempo
quando a diferença entre início e fim
se esfumaçar. Tínhamos nos mudado
para a casa nova há menos de dois meses
e o pássaro (uma rolinha) só entra na história
porque fora jovem o suficiente para ter sido
alvejado pelas unhas afiadas do Colignon,
felino com quem aprendemos em tempo devido
o amor em seu registro mais negligente e filial.
Nunca gostei exatamente de poesia, muito
menos de Manuel Bandeira ou passarinhos
mas acertar as contas custa caro, tem custado
— seja na direção do gato seja na dos livros
não importa: trata-se de um caminho por ora
sem retorno. Camadas de datas esquecidas
ou por esquecer sob pontos de vista de gente
que podemos ou não gostar (dá no mesmo)
até chegarmos com o acúmulo ao pequeno e fundo
abismo do como e porquê um dia nos embrutecemos.
E pensar que haverá sempre rolinhas cruzando
o céu do meu bairro. E pensar que haverá
sempre casas novas de gente que mais ou menos
se ama e ama o próximo. E pensar tanta coisa.
Mas o que me impressiona mesmo é saber
que o passarinho foi apenas a primeira
coisa a morrer naquela casa nova bem
presa no chão e com um gato tão bonito.

Петя и вот

В этой истории напрямую участвуют кот
и птичка. Кота зовут Колиньон,
он уже с нами прожил несколько лет.
Остальное неважно, особенно после того,
как разница между началом и концом истории
испарилась. Мы тогда переехали в новый дом,
два месяца как, а эта птичка (вроде горлицы)
просто-напросто была слишком юна и неопытна
и потому угодила Колиньону в острые когти,
с котом же мы в своё время узнали всю силу
любви, самой небрежной и самой сыновней.
Мне никогда особо не нравились стихи,
тем более Мануэла Бандейры, и птички тоже,
но сводить счёты — дорогое удовольствие,
и всегда было дорогим, хоть с котом,
хоть с книжками, по этой дороге ещё никто
не пришёл обратно. И вот пласты позабытых дат
и тех, что ещё позабудутся, с точки зрения
людей, кому мы готовы симпатизировать или нет
(всё равно), пока со всем накопленным не дотащимся
до маленькой и глубокой бездны, в ней же
станем однажды тупыми животными (как, почему?).
И думать, что горлицы будут всегда бороздить
небо в моём квартале. И думать, что будут всегда
новые дома для людей, которые более или менее
любят себя и ближнего своего. И думать столько всего.
Но что меня действительно поражает, так это
то, что птичка была только первой, кому
пришлось умереть в этом новом доме,
прижатой к полу таким прекрасным котом.

Перевод Дмитрия Кузьмина

Fernando Escobar Páez / Ecuador

Desechables

> Crecimos con la televisión que nos hizo creer que algún día seriamos millonarios, dioses del cine o estrellas del rock, pero no lo seremos y poco a poco lo entendemos, lo que hace que estemos muy cabreados.
> *Chuck Palahniuk*

Como el condón nuevo que me puse
cuando no se me paró bien la verga
pero igual hedía
o las cintas y medallas
que mi madre colecciona
para no recordar
el desempleo crónico
del que fue mejor alumno del curso doce años seguidos
revistas porno ochenteras
que mi padre no bota
porque todavía tiene sueños.
Ponerse la camiseta del equipo de fútbol
justo el día que pierde el invicto
con autogol del héroe de la infancia.
Poemas malos que hice
porque la chica de la que me enamoré
prefiere que escriba sobre el ano de Las Otras.
(jamás sus ojos)
Más feo que gárgola de iglesia pobre
o año viejo sin camareta,
el vecino de la tienda
me fía la mitad de lo que necesito
igual, le agradezco

Фернандо Эскобар Паэс / Эквадор

На выброс

> Мы все росли перед теликом и верили, что однажды станем миллионерами, киногероями и рок-звездами. Но не станем. Мы потихоньку стали понимать. И нас это дико, дико злит.
> *Чак Паланик (перевод Ильи Кормильцева)*

Новый гондон, который я нацепил,
когда хрен у меня не встал,
а вонял всё так же,
или медальки с лентами,
которые моя мать собирает,
чтобы не помнить,
как стала хронически безработной
лучшая выпускница за двадцать лет,
или порножурналы восьмидесятых,
которые мой отец не выкидывает,
ведь у него всё ещё есть мечты.
Или надеть футболку любимой команды
ровно в тот день, когда непобедимые проиграли
благодаря автоголу твоего героя детства.
Паршивые вирши, которые я сочинял,
потому что девчонка, моя любовь,
предпочитала, чтобы я писал про чужие задницы
(и никогда — про её глаза).
Безобразный, как горгулья в убогой церквушке
или Новый год без единой хлопушки,
мужичок в угловом ларьке
отпускает мне в долг половину того, что нужно,
всё равно спасибо ему,
бывает хуже, вон

pudo ser peor, como
Vicky, la „niña maravilla“ de la tele
hoy vive en un remolque.
Fingir voz de robot no le sirvió de mucho
cuando quiso incursionar en films tres equis.

Pero no todo va tan mal:
El tipo del shawarma donde me embriago lunes en la mañana
es mi amigo.
Me deja comer con las manos, usar el baño
y no apaga la radio
cuando estoy llorando.

Universidad

„formando los líderes del mañana“
Anuncio de cualquier Universidad en cualquier parte del mundo.

Todos están sonriendo,
los jóvenes alzan el brazo
en señal de triunfo
y los viejos
tienen cara de casa de campo
y hemorroides recién curadas.

Se ve también un edificio,
realmente enorme,
que es promesa
de paredes limpias
y baños funcionando.

Sin embargo el anuncio no me gusta,
apuesto que si les hago caso
no me dejarán en paz

hasta que alce el brazo
y me deje fotografiar
con unos viejos de mierda.

Вики, «чудо-девочка» из сериала,
живёт теперь в трейлере.
Умение говорить, как робот, особо не помогло
пробиться на рынке фильмов для взрослых.

А вообще-то не всё так плохо:
чувак в шаурмятне, где я надираюсь в понедельник с утра,
— мой друг.
Он разрешает мне жрать руками и зависать в сортире
и не выключает радио,
пока я не кончу рыдать.

Университет

Формируя лидеров для завтрашнего дня.
Реклама любого университета в любой стране

Все вовсю улыбаются,
юноши вскидывают руки
в победном жесте,
и у старцев на лицах
загородные дома
и успешно излеченный геморрой.

Также и здание
в самом деле огромно,
обещая чистые стены
и работающий сортир.

Всё же мне не по сердцу эта реклама:
бьюсь об заклад, если ей поверить,
не оставят меня в покое,

пока не заставят вскинуть руку
и сфотографироваться
с каким-то дерьмовым старичьём.

Перевод Дмитрия Кузьмина

Alí Calderón / México

Democracia mexicana

otro cadáver encontrado en una bolsa negra
cerca de ahí un cuerpo el viento un puente
a dos cuadras: una cabeza hirsuta ojos abiertos
entre otras noticias: treinta ejecutados el fin de semana tiro de gracia
algunos con marcas de tortura el rescate fallido de un secuestro un dedo un
anillo un hato de periódico
entre otras noticias: terminaron e iniciaron las campañas hay buena
voluntad en Washington la reforma migratoria este bimestre se abate en un
punto la pobreza el bienestar la dicha

a lo lejos el escape de un camión

y después el silencio

abren la bolsa negra
el hedor el moho en la carne:

una recién nacida

* * *

A h o r a que la noche es una flor carnívora de sombra
y que todo destello en la negrura
invoca antiguas llagas que humillaron la carne
ahora que silencio y día son

Али Кальдерон / Мексика

Мексиканская демократия

ещё один труп найден в чёрном мешке
здесь недалеко тело мост ветер
длиной в километр: глаза не закрыты голова в колтунах
к другим новостям: 30 казнённых в выходные контрольный выстрел
некоторые со
следами пыток похищение выкуп не прошёл палец кольцо комок газет
к другим новостям: подошли к концу и снова начались политические
кампании с полного одобрения Вашингтона
миграционная реформа за два месяца уровень упал на один пункт
бедность благосостояние удача

выхлоп грузовика вдали

а потом тишина

открывают черный мешок
плесень плоть разложение:

вот и родилась

Перевод Александра Ануфриева при участии Наталии Азаровой

* * *

Теперь когда ночь это хищный цветок
а любая вспышка внутри неё
отзывается болью в ранах от усмиренья плоти
теперь когда день с тишиною

la ceniza que me habita estarás
collar de flores y rasguño
atemperada
ignota en otras manos
Deslazado por el viento y esparcido
un escándalo descenderá por tu cabello
Se agitarán tus pendientes al terso ritmo de tu risa
y a h o r a será un punto en el tiempo plegado para siempre
entre nosotros
Ahora tus tacones de alta aguja inundarán la casa con su eco
ensayarás el gloss de escarlata tono   el escote sport
las fragancias de discreto dulce
La distancia será el a h o r a que se extienda hasta más allá
de lo tocado por la vista
y a h o r a
mientras me consumo en el aire enrarecido
y desmaquillas en lento espiral tu rostro
arde tu desnudez bajo mis párpados

A h o r a que tu nombre está rodeado de polvo y de mutismo
que no mudarán en carne mis palabras nominándote
que presagio serás inacabado
y no habrás de aparecer de pronto si te pienso
a h o r a justo a h o r a
a h o r a
me quiebro

перегорели во мне и стали пеплом
теперь ты сама венок из цветов ты ранка
ты успокоилась
тебя невозможно представить в чужих руках
Скандал свивший гнездо в твоих волосах
повинуясь ветру распутает их соскользнет на землю
Серьги будут ритмично дрожать в такт твоему смеху
и это останется точкой отсчёта на изогнутой линии времени
между нами

Теперь дом заполнит эхо от стука твоих каблуков
ты опробуешь алый блеск для губ майку с круглым вырезом
сдержанные духи

Расстояние — это растянутое «теперь» уходящее
за пределы зрения

Теперь когда я схожу на нет в разреженном воздухе
пока ватные диски порхают снимая твой макияж
а твоя нагота под закрытыми веками жжётся

Теперь когда твоё имя окутано пылью и тишиной
когда я назову тебя и мои слова не станут плотью
когда ты будешь несбывшимся прорицанием
не обязанным тут появиться при мысли «ты...»

Теперь,
в самом «теперь» из этих «теперь»

я разламываюсь на части.

Перевод Геннадия Каневского

* * *

E subimos las ciento y catorce gradas longas de aquel cú
Sus piedras ennegrecidas nos quemaron las manos de tan ásperas

Vide allí los pueblos comarcanos
el tianguiz de ocote y tigres

* * *

И мы взошли по ста четырнадцати ступеням того храма
Его грубые почерневшие камни жгли нам руки

Там я взирал на окрестные деревни
рынок древесины и оцелотов

Tlatelulco
Fue desde la placeta que arriba muy se face que oteamos
el agua dulce que se viene de Chapultepec
Iztapalapa Tlacopan Tepeaquilla todo señoreado por nos ojos

Tornamos las espaldas e vimos
a constelación
bultos y cuerpos de sus ídolos
malas figuras
todos de muy mayor estatura que un gran hombre
y contrahechos
de arcilla y masa y de legumbres
amánsalas con semillas y sangres de cuores despojos humanos
ansí tal farina

En una torrecilla y apartamiento a manera de sala
dos altares
dos bultos
dos altos cuerpos harto astrosos
uno dellos
Uichilobos
Tenía la su cara y rostro muy ancho y los ojos disformes espantables
untado el cuerpo de engrudo y raíces y aljófares
sangre y otras varias excrecencias
y colgantes ceñidas al plexo unas caras de indio
arrancadas a sus cráneos
tantas para abangar un roble
y acezando por los humos del sahumerio
hube visto
todas las paredes de aquel adoratorio
tan bañado y negro de costras
y plasma asimismo en el suelo
que un rastro no exardece tal hedor e catadura

Y allí tenían un atabor de cuero crúdel áspid
que cuando le tañían
tal era la tristura de sus tumbos
los infiernos se allegaban

Tomábanlos cinco
dos por las piernas dos por los brazos

Тлателолько
Это с той площадки наверху привелось углядеть
пресную воду с Чапультепека
Исталапа Тлакопан Тепеакилья всё во власти нашего взора

Мы развернулись и тотчас же
увидели
тюки и тела их идолов
злобные фигуры
все огромные выше высочайших людей
и кривобокие
из глины из теста из бобов
с семенами и кровью выпотрошенных сердец человечьих
тако вам намешано

В башенке, в помещении вроде гостиной
два алтаря
два тюка
два высоких мерзких тела
одно из них
Уичилобос
У него было широченное лицо и пугающие бесформенные глаза
тело вымазано клейстером, толчёным корнем и жемчужинами
кровью и на нём разные другие наросты
и на солнечном сплетении ожерелья из содранных
с черепа лиц
их хватит чтобы обвязать ствол дуба
задыхаясь от дыма благовоний
узрел я каждую стену того храма
отсыревшую в чёрных струпьях
а ещё жижа на полу
воняет ужасом хуже чем на бойне

А ещё был барабан из змеиной кожи
когда в него били
такая тоска от этих ударов
что ад подкрадывался

Их брали пятеро
двое за ноги двое за руки
ещё один за голову а ещё один

uno más por la cabeza y otro postema y landre rajábales
con ambas manos pedernal a modo de lanzón los pechos
y por aquella abertura metíale la mano
y le sacaba el corazón

y el cuerpo desasido en oscura laceria
descoyuntado era comido de todos
y los basófilos tomados granate y bermellón los rostros
purpurecidos cientos de azumbres de aloque caudal hasta la plaza

y echaban los restos a rodar
y otros eritroci
                    vestían sus pellejos
los muñones los tajos carne viva linfocitos

Derramaban también sangre los sátrapas fuera de los cúes
frente al Uichilobos y en degüello
tiernas cabezas de hombres hirsuta pelambrera
desmembrados los coágulos muslos
y antebrazos tibias allí asoma el hueso entre la grasa
y la carne después aislante cinta
les rodea narices esnifadas bocas y de unos puentes entonces
lo ponen a colgar
y el viento de las madrugadas desbravó sus fauces
envueltas en bolsas negras
allí vienen los retenes.
Oydo he decir que millones de hematíes
y también normocromáticos derraman
las testas cercenadas que se apilan
sobre tórax cuya carne se remueve
al contacto sólo de los dedos
y allí abdómenes mamas huesos frontales
ojos
axilas anos páncreas rafagueados
pudriéndose en los belfos
de las ratas

Señoras de esta tierra

двумя руками каменным ножом взрезал грудь
запускал в это отверстие руку
и доставал сердце

оглушенное тело разъятое в тёмной
беде поедали все
базофилы пили гранат и киноварь и пурпур
лиц сотни литров красноватых струек лились к площади

вышвырнутые останки катятся
другие эритроциты
                    надевают их шкуры
обрубки порезы живая плоть лимфоциты

Кровь проливали и сатрапы за пределами храмов
перед Уичилобосом, обезглавливали
нежные косматые головы мужчин
разъятые сочленения бёдер
холодные предплечья где кость вылезает между жиром
и чистым мясом а потом скотчем
замотают нюхавшие носы и рты а потом
они свисают с моста
предрассветный ветер заткнул их глотки
засунутые в черные мешки
и тут начинают досмотр.
Слышал я говорили миллионы эритроцитов
а ещё и нормохроматиков льются
из отрезанных голов прижатых
к грудной клетке и плоть трепыхается
всего лишь от прикосновения пальцами
брюшная полость молочные железы лобные кости
глаза
простреленные подмышки анусы поджелудочные
разлагаются на зубах
крыс

Господ мира сего

Перевод Александра Ануфриева при участии Наталии Азаровой

Adelaide Ivánova / Brasil

a porca

a escrivã é uma pessoa
e está curiosa como são
curiosas as pessoas
pergunta-me por que bebi
tanto não respondi mas sei
que a gente bebe pra morrer
sem ter que morrer muito
pergunta-me por que não
gritei já que não estava
amordaçada não respondi mas sei
que já se nasce com a mordaça
a escrivã de camisa branca
engomada
é excelente funcionária e
datilógrafa me lembra muito
uma música
um animal não lembro qual.

Аделаиде Иванова / Бразилия

свинья

дежурная — это женщина
и она так же любопытна как
любопытны все люди
она спросила меня почему я выпила
так много, я не ответила, хотя знаю
что мы пьём, чтобы умереть
а очень уж умирать нам не надо
она спросила меня, почему я не закричала
хотя у меня не был заткнут рот
я не ответила, хотя знаю
что родилась уже с кляпом
дежурная в накрахмаленной
белой рубашке —
замечательная сотрудница и машинистка
она очень напоминает мне
какую-то песню,
какое-то животное, не помню какое.

Перевод Аллы Горбуновой

caribe
(Del poemario Lengua zahorí)

No todos venimos del mismo fuego, aunque a todos nos hermane
un don que calcina. Hay
fulgores singulares para cada manada. El nuestro es de estrella joven.
Sol adolescente somos.
Nadie sabe huir en esta tierra de dantas. Por estos predios las mujeres
paren de pie y crían de pie.
¿Quién no ha visto crecer candela bajo el agua, sobre el agua, contra el agua?
Que comimos gente, dicen. Que tragamos enemigos. Una estirpe brava
de gente que comió
gente. Hombres y mujeres fagocitando prójimo por los montes
o en los confines del mar.
Si matas cómetelo. Respeta lo que matas. Así debiera ser. Corazón
del pecho a la boca.
Para ser hombres hay que comer hombres. ¿Quién no lo sabe?,
¿quién finge no saberlo a esta hora, mientras florean
misiles detrás del jacarandá?

карибы
(из сборника «Колдовской язык»)

Происходим от разных огней, но у всех одинаковый дар — Он
даётся тому, кто прошёл сквозь огонь.
Каждой стае — сиянье своё. Наше — как молодая звезда.
Мы как юное солнце.
Кто здесь сумеет сбежать в землю тапиров, где женщины стоя
рожают и грудью кормят детей?
Кто не видел, как свеча прорастает под водой, над водой, против воды.
Мы ели людей — они говорят, мы глотаем врагов.
Мы дикая раса людей, что людей поедают. Мужчины и женщины —
близких своих поедают в горах и на море.
Убиваешь — съедай. Уважай то, что ты убиваешь.
Должно быть всё именно так. Это сердце: из груди — прямо в рот.
Чтобы быть человеком, сожри человека. Кто это не знает?
Зачем притворяться, что это не знаешь в тот час,
когда словно ракеты, расцветают цветы джакаранды.

Перевод Юрия Цветкова

Tomás Cohen / Chile

¿OLVIDARÉ ESE PALITO perfecto
del porte de dos falanges
de mi dedo meñique
que hundí por dos segundos

con mi dedo índice
en la duna cuyos poros tuve
a pestañas de mis ojos,
cuya arena me llevé
en la oreja y el bolsillo?
Blandía con el viento.

Su porte, hoy a flote
tras años sumergido es sueño
perdiéndose en conversa, señal
de humo en el viento, poema.
Lo olvidé, sin perderlo. Perfecto.
Y la arena de esa duna
que llenó el bolsillo de mi pecho
la guardo en una bolsa dentro de un cajón
junto a este manuscrito, junto a quien sea
me lleve en la oreja.

El abrigo de puerco espín

Cuando en las cúspides de la ternura
ruegue que me arruinen.

Saliente de un charco hondo e inesperado,
chorreando decepción, querré

Томас Коэн / Чили

Как забыть совершенную жердочку
длиной в две фаланги
моего мизинца,
которую на пару секунд погрузил
указательным пальцем в дюну,
чьи крупинки попали ко мне в ресницы,
чью песчаную плоть я унес
в ушах и кармане?
На ветру трепетала.

На плаву ее держат,
из пучины лет вынырнувшую, —
мечта, в разговорах теряющаяся,
стихотворение, дыма след на ветру.
Я позабыл ее, но не утратил. Само совершенство.
И песок этой дюны,
что над сердцем карман мой наполнил,
теперь с рукописями моими в ящике
вместе с тем, кто несет меня в ушах.

Дикобразово пальто

Когда достигну нежности вершин,
я попрошу опустошенья.

Из вод глубоких и нежданных выходя,
сочась отчаяньем, я захочу

no conseguir más lo que quiero.
Y esconder mis ojos.

Me iré sacando, púa a púa y
daño a daño, en otros,
este abrigo de puerco espín
que me heredaste.

Entonces, estilando, listo
para agradecer mi desastre,
podré decirme “así que así
eran los bautismos.”

не достигать желанного отныне.
И отведу глаза.

Начну вытаскивать иголку за иглой,
а у других — худо за худом,
снимая дикобразово пальто,
коим меня ты наградила.

И, восставая от открытий,
дойдя до точки вдруг неслыханной,
смогу сказать себе: «так вот какие вы,
оказывается, крестины».

Перевод Сергея Батонова

Giselle Caputo / Paraguay

El perro nuestro de cada día

Es como si las bolsas de plástico
se hubiesen puesto de moda para los muebles
porque para qué recordar a los muertos
y juntar polvo en la casa

Las telarañas emigran
y las hormigas hacen lo suyo:
se llevan la última miga
de un hogar, dulce hogar

Mamá cocina, barre, y me mira
con la sugerente pupila del plagueo,
y cuando pasea por el jardín
es porque anda buscando nidos vacíos

Pero cuando vuelve el chasquido del portón,
ella sonríe, el perro entra y nos pregunta
si hoy nos sobró un poco
de nuestro absurdo pan de cada día.

Martes

Sobre la mañana del alumno arreado,
del funcionario reclutado,
del canillita a la deriva,
escolares y ómnibus
trazan dibujos extraños en la ciudad
que tienen la forma circular de la monotonía,
que tienen el color pendular de la rutina.

Хисель Капуто / Парагвай

Пёс наш насущный

Это как если бы вдруг вошли в моду
пластиковые чехлы для мебели
потому что зачем вспоминать умерших
и пыль собирать по комнатам

Бродит тут и там паутина
и муравьи делают своё дело:
тянут себе последнюю крошку
дома, милого дома

Мама прибирает, готовит, глядит на меня
убедительно жалобными глазами,
а если и выберется в сад —
только чтобы найти опустелые гнёзда

Но вот опять хлопает дверь,
она улыбается, пёс заходит
узнать, не осталось ли нынче у нас
нашего нелепого хлеба насущного.

Вторник

В это утро учащихся из-под палки,
служащих ради зарплаты,
уносимых течением продавцов газет
— только школьники и автобусы
выводят странные рисунки на городе:
монотонной вращательной формы,
колебательных рутинных цветов.

Перевод Дмитрия Кузьмина

Wingston González / Guatemala

* * *

LA VIDA ES UN FONÓGRAFO y hay días en los que sus sonidos no nos
despejan y sólo hay miedo, miedo/miedo y más miedo: un fonógrafo
y ni así aire sobre sus aguas ni agua sobre sus cielos, la vida repite lo que mi
boca dice que repita, un fonógrafo, como algo lleno de ternuras inservibles,
como un invierno perseguido por cíclopes, como símbolos, una mitología
lsd, como paisajes esotéricos pintados sobre cuerpo poblado de

un enjambre. la vida como fonógrafo
grande y triste, un fonógrafo

de noche bailable hasta las cuatro de la mañana, así es
dice a mí el extranjero — *que la soledad no te perturbe, que nada es real, que*
todo es maldito fingimiento sobre los faros en riveras orladas de artefactos
metálicos. ¿mirás? allá los campanarios sobrevuelan sobre el rosa de los días.
como en una película de Godard
cuánta turbación —me dice—. *cuántas flores abusando del veneno, los relojes*
derraman verdes colinas sobre nuestros cuerpos

sobre el fondo de una canción de Calle 13

nada destruye con tanto ímpetu como la alegría, oh
la alegría que busca con quien jugar
¿y quién juega con nosotros, quién?, nada
¿y quién juega con nosotros, quién?, nada
cantan todos ¿quién juega con nosotros, quién?,
nada, nada, nada
aparte de la débil tranquilidad, sí, el azúcar

Вингстон Гонсалес / Гватемала

* * *

Жизнь — это фонограф, и в иные дни её звуки не отпускают нас, и есть
только страх, страх-страх и ещё раз страх: фонограф
и уже ни воздуха над её водáми, ни вод над её небесами, жизнь повто-
ряет за моими губами, которые повторяют, фонограф, словно полный
бесплодных негодных ласк, словно зима, затравленная циклопами,
словно символы, мифология лсд, словно эзотерические пейзажи, нари-
сованные на теле, в котором живёт целый рой. эта жизнь как фонограф

длинная и печальная, фонограф
ночью с танцами до четырёх утра, ну ведь так

тот иностранец сказал мне: *ведь одиночество не встревожит тебя, ведь*
ничто не реально, ведь всё это чёртово притворство, иллюзия где-то
поверх путеводных огней на реках, обрамленных металлическими кон-
струкциями. видишь? — там колокольни летят над розою дней. как
в фильме Годара
сколько тревоги, — сказал он мне. — *сколько цветов злоупотребляют*
ядом, и с часов проливаются зелёные холмы прямо на наши тела

Под песню «13-й улицы»

ничто не сокрушает с такой силой, как радость, о!
радость, которая ищет, с кем поиграть
— и кто же играет с нами, кто же? — ничто
— и кто же играет с нами, кто же? — ничто
поют все вместе: кто же играет с нами, кто же? —
ничто, ничто, ничто
кроме немощной безмятежности, да, и сáхара

aparte del júbilo borroso del cine, los eclipsados
aparte la madrugada de héroes peinándole las cabelleras a sus cámaras
fotográficas

y con todo eso la música,
la música de esta hacienda que se aparea
con la demencia, ñam, la música, sí
de mujeres avivadas por una portilla sublime
detrás de la cual había hace poco un vaso cuya fuente
venía del cielo e iba
a las cuatro vaginas de dios
revestidas de una luz que fluía
de los amores perdidos de los hombres todos, baby

de las cosas todas

y nada más

кроме смутного ликованья кино, и тех, кого там затмило
кроме рассвета с героями, расчёсывающего шевелюры своих фотокамер

и с этим всем ещё музыка,
музыка с той гасиенды, обручённой
с деменцией, ням-ням, эта музыка, да
от женщин, вздуваемых выспренними воротами
за которыми ещё недавно стояла ваза
чей источник явился с неба и канул
в четыре вагины бога
облачённые в свет, вытекавший
из утраченных любовей всего человечества, бэйби

вообще из всего

и более ничего

Перевод Дмитрия Кузьмина

Tyrone Maridueña Gerrero / Equador

Especulación del epílogo

Nuestra muerte concibió el escondite de la promesa correcta
Los golpes del dialecto proponen una rebelión gramaticalmente inútil
Unir la necesidad con la paz
Es casi una provocación
Demasiada inocente o poco maliciosa
De una u otra forma.el odio construye nuevas conspiraciones para entrar en
nuestro espacio de ataúdes y columpios.
Quiero escuchar el cuento de la niña y el puente
O el del fusil y el ladrido de los cuerdos
(.)
El «intento» esta lejos de un existencialismo pesimista
o patológicamente inútil
Las disculpas se quedaron
viciadas de libertad o de una temprana aniquilación.

El falso Contexto

Breve reseña del bufón
Desde el puerto un «error» limita con su muerte
Nuestra provocación musical
Un soneto de barrio bajo
Comienza a causar molestias en los pies de una prostituta feliz
Mientras los hijos de sus hijos preguntan
¿Quién es el señor que nació hace dos años y nos prestó su memoria?
La distancia es una explosión de relojes en manos de un cobarde que busca el
tesoro de la lluvia

Тироне Маридуэнья Герреро / Эквадор

Умозрительный эпилог

Наша смерть чревата игрой в прятки с вернейшим обетом
Возмущения диалекта сулят восстание но оно грамматически бесполезно
Повенчать нужду с мирной жизнью
Это почти провокация
Чрезмерно невинная или слегка злонамеренная
Так и так ненависть строит новые козни чтобы проникнуть в наше
пространство гробов и качелей
Дайте же мне услышать историю про девочку и мост
Или про ружьё и пересуды благоразумных

(.)

Это «покушение» далеко от пессимистического экзистенциализма
или патологически бесполезно
Остались оправдания
извращённые свободой или ранним уничтожением

Ложный контекст

Краткий отзыв о шуте
От гавани какая-то «ошибка» граничит с его смертью
Наша музыкальная провокация
Сонет трущобного квартала
Начинает тревожить слабостью в ногах довольную шлюху
Меж тем как дети её детей интересуются
Кто этот человек родившийся два года назад и одолживший нам
свои воспоминания?
Расстоянье — взрыв часов в ладонях труса, разыскивающего
сокровища дождя

(.)
Ante las paredes de la duda
Quiebro los delirios, los atajos y los libros de invierno
Solo para quedarme a lado de nuestros ancianos.
Quiero las preguntas que no detienen la renovación del hombre
—un ejercicio intelectual de 45 terapias-
un profeta de carne y pasado vino a describir la entrada al purgatorio
y lo ofreció a mis invitados mientras bailaban
en mi patio
—la sospecha es un niño mal educado—
y la besé en nombre de la voracidad del arte y la aparición de un nuevo
intento que detenga la revelación de las tres esquinas.

«La timidez de tu cuerpo casi nada se relaciona con la mediocridad de los
pueblos, pero casi»

(.)

Перед стенами сомнений
Я разламываю маниакальные бредни, кратчайшие тропки
и зимние книги
Только чтобы оставаться ближе к нашим старцам.
Я хочу вопросов не останавливающих обновление человека
— интеллектуальное упражнение в 45 сеансов —
пророк из плоти и прошлого прокисшее вино чтобы описать
дорогу в чистилище
и он предложил это моим гостям танцевавшим в моем патио
— подозрительность, плохо воспитанное дитя —
я поцеловал её во имя ненасытности искусства, во имя призрачной
новой попытки
задержать проявление трёх углов.

«Застенчивость твоего тела почти не связана с посредственностью
народов, но лишь почти»

Перевод Дениса Безносова

примечания

Иоланда Пантин

С. 49. Парагуана́ (Paraguaná) — полуостров на территории штата Фалькон в Венесуэле.

Эдгардо Добры

С. 67. Бентевео (benteveo) — большая питанга — певчая птица семейства тиранновые.

Жаклин Гольдберг

С. 75. Насас (río Nazas) — река, протекающая по территории Мексики.

Озёрный край (la zona de La Laguna) — местность на севере Мексики.

Франсиско Сарко (Francisco Zarco) и Ласаро Карденас (Lázaro Cárdenas) — два крупных водохранилища на реке Насас.

Джина Сарачени

С. 79. Авила (Avila) — возвышенность (холм) в Каракасе

Кристино Богадо (Парагуай)

С. 87. Мария Феликс (Maria Felix) — мексиканская киноактриса и модель.

Гуасу — большие *(гуарани)*.

Исабель Сарли (Isabel Sarli) — аргентинская киноактриса и модель.

Акарангуэ пуку — длинные волосы *(гуарани)*.

Си́львия Пина́ль (Silvia Pinal) — мексиканская киноактриса.

Détournement — похищение, угон *(франц.)*; термин, введённый Ги Дебором для творческой рекомбинации художником элементов предшествующих произведений в собственных целях, — провозвестником такого метода Дебор объявил Изидора Дюкасса (Лотреамона).

Пора (póra) — дух, вселяющийся во что-либо.

«Зеркало» — в оригинале по-русски.

С. 89. Питаугуá (pitauguá) — иностранец, чужак.

Аньярай (añara'y) — чёртов сын.

Holzwege («Неторные тропы») — книга М. Хайдеггера.

Шенга рувара (chenga ruvara) — женский погребальный плач.

Камисибай — японское традиционное разговорное искусство с показом иллюстраций.

Опо-э (opoʼë) — буквально «подставить, просунуть ногу», метафорически «проиграть».

Уруку (urucú) — бикса аннатовая, латиноамериканский куст, из плодов которого индейцы делают красную краску для тела, губ и волос.

Янко Гонсалес

С. 107. Фьямбре — традиционный гватемальский мясной салат, который готовится в день мертвых и день всех святых.

Кесильо — десерт из молодого сыра.

о, эта бледность лица моего — полустишие из стихотворения мексиканского поэта Хуана де Диоса Песы (1852—1910).

Нильтон Сантьяго

С. 159. Оахака (Oaxaca) — город в Мексике, столица одноименного штата

Леонардо Гандольфи

С. 179. Мне никогда особо не нравились стихи, тем более Мануэла Бандейры — имеется в виду известное стихотворение на смерть воробушка, написанное классиком бразильской поэзии Мануэлом Бандейрой (1886—1968).

Али Кальдерон

С. 187. Оцелот — хищное млекопитающее семейства кошачьих, обитающее в Америке.

С. 189. Тлателолько (Tlatelolco) — город-государство доколумбового периода в долине Мехико.

Чапультепек (Chapultepec) — холм в центре Мехико, во времена ацтеков — местонахождение загородной резиденции императора.

Исталапа, Тлакопан, Тепеакилья (Istalapa, Tlacopan, Tapeaquilla) — доколумбовы города-государства на территории Мексики.

Уичилобос (Huichilobos) — одно из имён ацтекского бога солнца Уицилопочтли (так его называли конкистадоры).

Вингстон Гонсалес

С. 203. «13-я улица» (Calle 13) — чрезвычайно популярная пуэрториканская музыкальная группа.

Александр Ануфриев

Биографии поэтов

Ида Витале (Ida Vitale) родилась в 1923 году в Монтевидео в семье итальянского происхождения. Примыкала к важнейшему в Уругвае середины XX века литературному движению «Поколение 45-го года». В 1960-е годы была редактором литературных журналов «Клинамен» и «Мальдорор», вела литературный раздел газеты «Эпоха». В 1973 году, после военного переворота в Уругвае, при поддержке Октавио Паса эмигрировала в Мексику, где также работала редактором в литературных журналах, активно публиковала стихи и прозу, занималась переводами (Л. Пиранделло, С. де Бовуар, Г. Башляр и др.). После 11 лет в Мексике вернулась в Уругвай, затем в 1989—2016 гг. жила в США в городе Остин (Техас). Автор двадцати книг стихов, многочисленной эссеистики и прозы, мемуарной книги «Шекспировский дворец» (2019). Лауреат многочисленных литературных премий, среди которых Премия Октавио Паса (2009), Премия Федерико Гарсии Лорки (2016), Премия Сервантеса (2018) за заслуги перед литературой и другие.

Эрнесто Карденаль (Ernesto Cardenal) родился в 1925 году в Гранаде (Никарагуа). Изучал философию и филологию в Манагуа и Мехико, затем в аспирантуре Колумбийского университета. После участия в неудавшейся никарагуанской революции 1954 года уехал в США получать теологическое образование и в дальнейшем стал одной из центральных фигур латиноамериканской «теологии освобождения». В 1965 году стал священником, двенадцать лет руководил коммуной никарагуанских крестьян. В 1979—1987 гг. министр культуры в революционном правительстве Никарагуа, в дальнейшем перешёл в оппозицию к правительству с позиций антиавторитарного социализма. Автор десятков поэтических книг, переведенных на разные языки мира, а также религиозной публицистики и мемуаров. Лауреат иберо-американской премии поэзии имени королевы Софии 2012 года и других премий, кавалер ордена Рубена Дарио — высшей государственной награды Никарагуа в гуманитарной сфере.

Эдуардо Лисальде (Eduardo Lisalde) родился в 1929 году в Мехико. Окончил факультет философии и литературы Автономного университета Мехико, изучал оперную музыку в Высшей школе музыки. В 1948 году выступил одним из лидеров «поэтизма» — движения за более ясное и концептуально однозначное поэтическое слово.. В 1955—1960 гг. состоял в Коммунистической партии Мексики, после исключенияиз нее основал в качестве альтернативы Ленинскую лигу Спартака. В 1984—1994 гг. президент мексиканского ПЕН-клуба, занимал ряд руководящих должностей в мексиканских медиа. Автор нескольких поэтических книг, в том числе «Память тигра» (1983), «Тигр! Тигр!» (1985), «Вино которое не кончается» (2011), переводил на испанский Шекспира и Блейка, написал книги об опере и о режиссёре Л. Бунюэле. Поэзия Лисальде переведена на многие языки, он является членом Мексиканской академии языка.

Ана Мария Родас (Ana María Rodas) родилась в 1937 году в городе Гватемала. Работала в журналистике, возглавляла правительственную гватемальскую газету *Diario de Centroamérica*. В 2015—2016 гг. министр культуры Гватемалы. Автор многих сборников стихов, первый из которых, «Стихи эротической левизны» (1973), закрепил за ней славу одного из ведущих эротических поэтов Центральной Америки. Также издала три романа и несколько книг эссе. Лауреат Национальной премии имени Мигеля Анхеля Астуриаса (2000).

Харль Рикардо Бабот (Jarl Ricardo Babot) родился в городе Панама в 1946 году. Окончил Панамский университет, а затем Государственный институт театра и сцены в Москве (1973). Руководил Национальной школой университетского театра, много преподавал, стоял во главе театральной труппы Панамского университета. Опубликовал шесть стихотворных сборников, два собрания поэтических сочинений, а также множество пьес. Лауреат национальной литературной премии имени Рикардо Миро за пьесу «Птицы» (1980).

Хавьер Кампос (Javier Campos) родился в 1947 году в Сантьяго-де-Чили. Окончил университет в Консепсьоне, защитил докторскую диссертацию в Университете Миннесоты. С 1977 года живет в США, преподает испанский язык и латиноамериканскую литературу в университете города Фэйрфилд (штат Коннектикут). Автор нескольких книг стихов, одна из которых, «Забытые письма астронавта» (1991), получила премию как лучший поэтический сборник на испанском языке, изданный в США. Напечатал также роман, публикуется как журналист.

Рауль Сурита (Raul Zurita) родился в 1950 году в Сантьяго-де-Чили. Окончил Технический университет в Вальпараисо, принадлежал к левому движению,

вступил в Коммунистическую партию Чили. Был репрессирован после правого военного переворота 1973 года. Первую книгу стихов, «Чистилище», начальную часть масштабной трилогии, выпустил в 1979 году (заключительная часть вышла спустя 15 лет), опубликовал и ряд других сборников, книгу рассказов, переводил «Божественную комедию» Данте. Входил в состав авангардистской политически ангажированной группы CADA («Коллектив художественных действий»), много выступал с поэтическими перформансами, используя как материал собственное тело или природный ландшафт (строки его стихов выписывались самолетами в небе или вычерчивались бульдозером на песке пустынь). В 1990 году с восстановлением демократии в Чили был назначен атташе по культуре в Рим, удостоен ряда наград, в том числе Национальной литературной премии Чили (2000). Стихи Суриты переведены на множество языков мира, его личным другом и переводчиком на русский язык был Евгений Евтушенко.

Иоланда Пантин (Yolanda Pantín) родилась в 1954 году в Каракасе. Изучала литературу в Католическом университете имени Андреса Бельо. С 1978 года участвовала в различных поэтических объединениях, в 1981 году выпустила первую книгу стихов и выступила одним из основателей поэтической группы «Трафик», оказавшей значительное революционное воздействие на венесуэльскую литературу. В 1991 году при участии Пантин было создано поэтическое издательство «Маленькая Венеция». Автор 14 стихотворных сборников, последний из которых вышел в 2017 году. Лауреат ряда поэтических премий, в том числе кубинской Премии Дома Америк (2015).

Роландо Санчес Мехиас (Rolando Sánchez Mejías) родился в 1959 году в Ольгине (Куба). В университете изучал промышленную химию. До своего исключения из Коммунистической партии в начале 1990-х занимался курированием писательских семинаров и мастерских, связанных с официальной системой литературных организаций. В 1994 году Мехиас основал группу «DIÁSPORA(S)» и начал публиковать одноименный самиздатский журнал. Из-за своей подчеркнуто антиправительственной позиции он оказался в изоляции и зарабатывал на жизнь, продавая цветы на улицах Гаваны. Две его книги были удостоены Национальной критической премии в 1994 и 1995 годах. Рассказы, эссе и стихи переводились на разные языки, включая английский и другие языки, неоднократно входили в состав различных антологий. С 1997 года живет в Барселоне. Составил несколько антологий кубинской поэзии, занимался также китайской поэзией, что нашло отражение и в его собственном письме.

Патрисия Гусман (Patricia Guzmán) родилась в 1960 году в Каракасе. Окончила Католический университет имени Андреса Бельо. Защитила докторскую

диссертацию в Сорбонне. Руководила литературными и культурными приложениями к разным венесуэльским газетам. Опубликовала два тома исследований по венесуэльской поэзии и целый ряд поэтических книг, первая из которых, «Обо мне, тёмное», вышла в 1987 году.

Эдгардо Добры (Edgardo Dobry) родился в 1962 году в Росарио (Аргентина). Изучал испанскую филологию в Барселоне, где и живет с 1986 года. Профессор латиноамериканской литературы и теории литературы в Университете Барселоны, также преподает литературное творчество в Университете Помпеу Фабра и пишет для испанской ежедневной прессы. Автор четырех сборников стихов, последний из которых, «Препятствие», опубликованный в 2013 году, получил стипендию Фонда Гуггенхайма. Входил в совет директоров аргентинского «Поэтического журнала». Переводил стихи Уильяма Карлоса Уильямса, Джона Эшбери, Сандро Пенна, труды Джорджо Агамбена и Роберто Калассо.

Дуглас Диегес (Douglas Diegues) родился в 1965 году в Рио-де-Жанейро в смешанной парагвайско-бразильской семье, так что его поэтические и культурные интересы в значительной степени связаны именно с проблематикой культурного и языкового пограничья. В 2007 году он выступил переводчиком на португальский язык и соредактором антологии песенного фольклора пограничного индейского субэтноса мбья. Основал в Парагвае рукописный журнал «*Yiyi Jambo Cartonera*». Сочиняет и пропагандирует поэзию на «диком портуньоле» — гибридном авторском языке, в котором, как и в разговорной речи приграничных районов Бразилии, смешаны бразильский португальский и парагвайский испанский с элементами гуарани. Первая книга, сборник сонетов «Приятно гулять голым по этим джунглям», издана в 2002 году.

Жаклин Гольдберг (Jaqueline Goldberg) родилась в 1966 году в Маракаибо (Венесуэла). Окончила университет штата Сулия, в 1997 году защитила в Центральном университете Венесуэлы докторскую диссертацию об инсталляции как жанре визуального искусства. Автор девятнадцати книг стихов, вышедших начиная с 1986 года, девяти книг для детей, ряда книг нон-фикшн. Соавтор Словаря еврейской культуры Венесуэлы (2014). Публикуется также как арт-критик и как журналист, пишущий на самые разнообразные темы вплоть до кулинарных (премия 2015 года за лучшие публикации в области кулинарии). Лауреат Национальной премии детской литературы имени Мигеля Висенте Пата Калиенте (1993), премии лучшему редактору года (2000), поэтической премии имени Кауполикана Овальеса (2001), нескольких премий за роман «Ясные времена» (2013). Стихи включены в переводные поэтические антологии в самых разных уголках земли: от США до Румынии, от Бразилии до Южной Кореи.

Джина Сарачени (Gina Saraceni) родилась в 1966 году в Каракасе в итальянской семье (отсюда и итальянское, а не испанское произношение ее имени и фамилии). Окончила Болонский университет, в 2001 году защитила докторскую диссертацию по латиноамериканской литературе в Университете Симона Боливара, где и преподаёт. Специалист по венесуэльской поэзии, составитель антологии венесуэльской поэзии 1983—2008 гг. Изучает также политику памяти, сочинения путешественников по Латинской Америке. Переводила на испанский язык итальянскую поэзию, а на итальянский венесуэльскую, в частности поэзию Иоланды Пантин. Лауреат нескольких поэтических премий.

Кристино Богадо (Cristino Bogado) родился в 1967 году в Асунсьоне. Руководил независимыми издательствами *Jakembó* и *Felicita cartonera*. Публиковался под под многими псевдонимами в журналах Аргентины, Чили, Перу, Испании. Составитель антологии женской эротической поэзии Парагвая «Ut Eros» (2009). Автор множества поэтических книг и панк-романа «Встряхивание» (2007).

Марио Бохоркес (Mario Bojórquez) родился в 1968 году в городе Лос-Мочис (Мексика). Участник разнообразных литературных проектов, преподавал во многих учебных заведениях Мексики, возглавлял Центр литературных исследований Института культуры Нижней Калифорнии. В 1991 году дебютировал поэтическим сборником «Отдельные птицы», затем выпустил еще восемь стихотворных книг. Лауреат множества литературных премий, в том числе Национальной поэтической премии города Агуаскальентес (2007).

Луис Чавес (Luis Chávez) родился в 1969 году в Сан-Хосе (Коста-Рика). Изучал агрономию в Университете Коста-Рики. Первая книга стихов вышла в 1996 году. Лауреат премии имени сестры Хуаны Инес де ла Крус (1997). Автор четырех книг стихов, книги репортажей с чемпионата мира по футболу 2010 года и книги избранных статей.

Диана Вальехо (Diana Vallejo) родилась в 1969 году в Гондурасе. Участница поэтической группы «Захваченный том», активной в 1990-е годы. Публиковалась в различных литературных журналах Центральной Америки, Аргентины и Мексики. Соучредительница Национальной ассоциации женщин-писателей и Национального союза писателей, активистка различных правозащитных организаций. Также работает как фотохудожник и артист-перформер. Книга стихов «Городские дни» (2000). В 2007 году удостоена первой премии на конкурсе ибероамериканской поэзии Академии штата Минайс-Жерайс в Бразилии.

Янко Гонсалес (Yanko González) родился в 1971 году в городе Буин (Чили). По образованию антрополог. Как поэт дебютировал переводами из Чарльза Буковски. Первый оригинальный сборник «Тяжелые металлы» (1998) стал заметным явлением чилийской литературы конца века: возвышая язык низов общества и высмеивая штампы академического дискурса, Гонсалес заявлял, что хочет «создавать стихи, в которых может жить каждый, а не мавзолеи, запертые ото всех». В 2011 году выпустил книгу стихов «Елабуга», обращенную к наследию Марины Цветаевой. Преподает в Южном университете Чили в городе Вальдивия.

Габриэль Чавес Касасола (Gabriel Chávez Casazola) родился в 1972 году в Сукре. Работал как журналист в *Correo del Sur* и других боливийских изданиях, преподавал в Университете Святого Франциска Ксаверия в Сукре, возглавлял фонд «Сукре — культурная столица». Опубликовал пять поэтических сборников в Боливии, изданы также книги в Колумбии, Эквадоре, Чили, Аргентине, Мексике, Коста-Рике, Кубе, Испании, Франции, США, вышел сборник шрифтом Брайля. Куратор Международной поэтической программы в рамках Международной книжной ярмарки в Санта-Крус, лауреат ряда поэтических премий.

Хорхе Галан (Jorge Galán) родился в 1973 году в Сан-Сальвадоре, там же окончил филологический факультет Центральноамериканского университета. Ещё студентом впервые был отмечен на ежегодном национальном поэтическом конкурсе Цветочные игры, в дальнейшем трижды завоевывал на этом соревновании титул Великого магистра поэзии. Дебютировал в 2004 году книгой стихов «Бесконечный день», за которой последовали ещё шесть. Выступал также как автор детской литературы и прозаик, в 2003 и 2006 гг. получил национальную премию за лучшую повесть. Роман «Ноябрь» (2015) принёс Галану премию Королевской академии испанского языка в Мадриде и многочисленные угрозы на родине, из-за которых автор был вынужден покинуть страну. В его защиту выступили известные писатели и деятели культуры, в том числе нобелевский лауреат Марио Варгас Льоса и директор Института Сервантеса испанский поэт Луис Гарсиа Монтеро.

Анжелика Фрейтас (Angélica Freitas) родилась в 1973 году в городе Пелотас на крайнем юге Бразии. Изучала журналистику в Федеральном университете штата Рио-Гранде-до-Суль, некоторое время жила в Порто-Алегре, а затем — в Сан-Паулу, где работала репортером. В 2006 году покинула Бразилию, жила в Нидерландах, Боливии и Аргентине, а затем вернулась в родной город Пелотас. Дебютировала в печати в 2006 году, выпустила две книги стихов. Одна из них, переведённая на английский язык, была в 2016 году признана лучшим переводным поэтическим сборником в США.

Хосе Луис Бобадилья (José Luis Bobadilla) родился в 1974 году в Мехико, там же окончил Ибероамериканский университет, где в дальнейшем преподавал латиноамериканскую литературу. Много выступал как литературный критик, переводил с английского языка поэзию Роберта Крили и Джорджа Оппена, работал также с японской и китайской поэзией. Редактор поэтического журнала «Белый мул» (*Mula Blanca*). Дебютировал поэтическим сборником «Здесь» (2001), за которым последовали еще четыре книги, в которых, по словам автора, он говорил «не по воображению, а отталкиваясь от действительности». Трагически погиб 12 сентября 2019 года.

Луис Фелипе Фабре (Luis Felipe Fabre) родился в 1974 году в Мехико, там же окончил Ибероамериканский университет, в дальнейшем продолжил образование в области испанской и испаноязычной литературы в Университете Саламанки в Испании. Преподаёт литературу в мексиканских университетах, главный редактор журнала по современному искусству «Китайское печенье» (*Galleta China*). Дебютировал в печати сборником эссе о литературе «Читая иголки» (2005), двумя годами позже выпустил поэтическое избранное за десять лет работы «Кабаре Прованс», за которым последовали ещё три книги. Редактор двух антологий современной мексиканской поэзии, куратор поэтических фестивалей. Стихи Фабре, по его собственным словам, сложены «из четырехстопных ямбов шестнадцатого века и бульварных романов, из трейлеров к ужастикам и напыщенных академических статей… Но главное — они сделаны из языка, бурлящего иронией, черным юмором и ужасом».

Улисес Паниагуа (Ulises Paniagua) родился в 1976 году в Мехико. Изучал архитектуру и урбанистику в Национальном политехническом институте в пригороде Мехико Наукальпане. Соведущий программы «Архитектонический джаз» на одной из мексиканских радиостанций, участвует с мелодекламацией своих стихов в нескольких альбомах музыкальной группы «Чужой стыд» (*Pena Ajena*). Публиковался в Испании, Италии, Перу, Венесуэле, Аргентине, Коста-Рике, на Кубе. Автор романа, четырех книг рассказов и четырех книг стихов.

Марсио-Андре де Соуса Ас (Marcio-André) родился в 1978 году в Рио-де-Жанейро, там же учился в университете. Подписывает свои литературные сочинения только именем Марсио-Андре, а под своей фамилией выступает как кинематографист, режиссёр нескольких фильмов, снятых в Будапеште, где он преимущественно живет в последнее десятилетие. Выступает также как саунд-поэт и художник-перформер, известность ему принес перформанс 2007 года, в ходе которого Марсио-Андре на протяжении шести часов читал свои

стихи в выселенном и запрещённом для въезда после Чернобыльской катастрофы городе Припять. Книга Марсио-Андре «Радиоактивные опыты» (2008) отразила именно этот опыт столкновения поэзии с радиацией. Переводит на португальский язык Поля Валери и более современных авторов.

Мариса Мартинес Персико (Marisa Martínez Pérsico) родилась в 1978 году в Буэнос-Айресе, училась в университетах Буэнос-Айреса и Саламанки (Испания), защитила докторскую диссертацию о латиноамериканской литературе. С 2010 года живет в Италии, преподает испанский язык и литературу в университетах Мачераты и Университете Гульельмо Маркони (Рим). Была приглашенным профессором в Крагуеваце, Софии, Лионе и Оксфорде. Участник поэтических фестивалей, редактор выходящего в Риме поэтического журнала «Тетради гиппогрифа» (*Cuadernos del hipogrifo*). Первый поэтический сборник «Голоса листьев» вышел в 1998 году, за ним последовали еще четыре. Профессор и поэт, Мартинес Персико соединяет повествовательные порывы с чистым лиризмом, знание традиции — с живым временем будущего, материальность — с побегом за ее пределы.

Франк Баэс (Frank Báez) родился в 1978 году в Санто-Доминго. В 2004 году выпустил книгу стихов, за ней в 2007 году последовала книга рассказов, удостоенная первой премии на книжной ярмарке в Санто-Доминго. Книги Баэса выходили в Колумбии, Испании, Аргентине. Редактировал сетевой литературный журнал «Пинг-Понг». Участник дуэта в разговорном жанре «Маленький человечек» (*El Hombrecito*).

Джованни Гомес (Giovanny Gómez) родился в 1979 году в Боготе. Изучал испанский язык и литературу в университете колумбийского города Перейра, основал в этом городе поэтический журнал «Луна безумцев» (*Luna de Locos*) и киноклуб. В 2007 году выпустил первую книгу стихов «Дом дыма», удостоенную национальной поэтической премии имени Марии Мерседес Карранса. Стихи Гомеса переведены на четыре языка. По утверждению самого поэта, его вдохновение «напоминает шум связанных рук. Мало решать, мало желать — язык строптив. Может, у нас и есть корабль, но штурвал находится в чужих руках».

Нильтон Сантьяго (Nilton Santiago) родился в 1979 году в Лиме (Перу), там же изучал право и политологию, работает адвокатом. В последние годы живет в Барселоне. Дебютировал в 2005 году сборником стихов «Книга зеркал». Последний сборник Сантьяго «Всеобщая история и так далее», завоевал в 2019 году в Чили новоучреждённую Премию имени Висенте Уидобро, первенствовав среди 780 авторов из 33 стран.

Андреа Коте Ботеро (Andrea Cote Botero) родилась в 1981 году в городе Барранкабермеха (Колумбия). Окончила Андский университет в Боготе, получила докторскую степень по латиноамериканской литературе в Университете Пенсильвании. Известна как куратор поэтического фестиваля в Медельине — самого большого международного фестиваля поэзии в мире. Преподает литературное творчество в Университете Техаса в Эль-Пасо. Первая книга Коте «Испепеленный порт» (2003) была переведена на несколько языков, получила в 2005 году в Македонии премию «Стружские мосты» как лучший в мире дебютный стихотворный сборник года, а в 2010 году признана лучшей переводной стихотворной книгой Италии. Далее последовали еще три сборника.

Хамила Медина Риос (Jamila Medina Ríos) родилась в 1981 в городе Ольгин на Кубе. Жила в Каире, вернувшись на Кубу, окончила филологический факультет Гаванского университета. Живет в Гаване, преподает в различных университетах, заведует отделом поэзии в издательстве *Ediciones Unión*. Составила несколько поэтических сборников и антологий. Дебютировала книгой стихов «Паучьи окопы» (2008), за которой последовали ещё три поэтических сборника, книга прозы «Крысы глубокой ночи» (*Ratas en la alta noche*, 2011) и книга о кубинском писателе Кальверте Кейси, удостоенная премии имени Алехо Карпентьера (2012). За поэтическое творчество получила премию имени Николаса Гильена (2017).

Леонардо Гандольфи (Leonardo Gandolfi) родился в 1981 году в Рио-де-Жанейро. Окончил филологический факультет Федерального университета Флуминенсе, защитил магистерскую диссертацию по сравнительному литературоведению. Преподаёт в Федеральном университете Сан-Паулу В 2015 году выступил сооснователем издательства «Лунапарк», публикующего поэзию. В 2006 году выпустил книгу стихов «И всё-таки из воды», за которой последовали еще четыре сборника.

Фернандо Эскобар Паэс (Fernando Escobar Páez) родился в 1982 году в Кито (Эквадор). Изучал медицину и психологию в Центральном университете Эквадора, антропологию в эквадорском отделении Латиноамериканского университета общественных наук, работал журналистом, сотрудничая с многочисленными эквадорскими изданиями. Опубликовал четыре книги стихов, самая известная из которых — сборник «Мисс О'Гиния» (2011). Готовит к публикации книгу по истории эквадорской независимой рок-музыки.

Али Кальдерон (Alí Calderón) родился в 1982 году в Мехико. Доктор филологии, автор монографии о мексиканской поэзии «Поколение пятидесятых», преподает латиноамериканскую литературу в Университете Пуэблы. Осно-

ватель издательства и литературного журнала «Круг поэзии» и крупнейшего в мире сетевого поэтического ресурса (*Círculo de Poesía*, www.circulodepoesia.com). Дебютировал поэтическим сборником «Первообраз» (2005), затем выпустил еще пять книг. Лауреат многочисленных премий, в том числе Национальной поэтической премии имени Рамона Лопеса Веларде (2004) и поэтической премии «Восток—Запад» (КНР—США, 2014).

Аделаиде Ива́нова (Adelaide Ivánova) родилась в 1982 году в Ресифи (Бразилия). Изучала журналистику в Католическом университете Пернамбуку, затем училась фотографии в Берлине, в настоящее время живет в Берлине и Кёльне, зарабатывая на жизнь бэбиситтером, натурщицей и официанткой. Известна как политическая активистка, редактор анархо-феминистского зина *MAIS PORNÔ PVFR*, соосновательница группы «RESPEITA!», объединяющей женщин-поэтов Бразилии. Опубликовала также две книги фотографий. В 2018 году первый сборник стихов Ивановой «молот» был удостоен Литературной премии штата Рио-де-Жанейро. В нем заключен протест против «культуры изнасилований», как буквальной, так и словесной. По словам автора, «молот — это не только оружие, но и орудие; им можно все разрушить, а потом все выстроить заново».

Янува Леон (Yanuva León) родилась в 1983 году в городе Миранда (Венесуэла). Закончила филологический факультет Центрального университета Венесуэлы. На протяжении нескольких лет была редактором литературного журнала «El perro y la rana». В 2014 году опубликовала первую книгу стихов.

Томас Коэн (Tomás Cohen) родился в 1984 году в коммуне Пельюуэ (Чили). Изучал музыковедение и искусство в Католическом университете Чили, затем окончил факультет истории искусств Нью-йоркского университета, изучал тибетский язык в Международной буддистской академии в Катманду и санскрит в Гамбургском университете. Организатор цикла мультиязыковых поэтических чтений «Портовые чтения» в Гамбурге. Представляет Чили в редакционном коллективе международного сетевого журнала переводной литературы «Асимптота». Первая книга стихов «Дробное мурлыканье» вышла в 2016 году в Аргентине, вторая, «Дверные петли», — в 2019 году в Чили. Лауреат премии Фонда культуры Чили за переводы поэзии Тимоти Доннелли с английского и Шакьи Пандиты с тибетского.

Хисель Капуто (Giselle Caputo) родилась в 1986 году в Буэнос-Айресе, с раннего детства живет в Асунсьоне. Окончила философский факультет Асунсьонского университета. Соучредитель (2014) и соредактор литературного журнала «Крик» (*El Guajhú*). Первый сборник стихов вышел в 2008 году, второй в 2016-м.

Вингстон Гонсалес (Wingston González) родился в 1986 году в Ливингстоне (Гватемала), живет в городе Гарифуна. Опубликовал восемь книг стихов, одна из которых, «Переводы», была награждена премией имени Луиса Кардосы-и-Арагона (2015) для поэтов Центральной Америки. Изданы также книги в переводе на английский и немецкий языки. Работает редактором и переводчиком в издательском доме «Ваничугу». Представлял поэтические перформансы на биеннале искусства в Сан-Паулу (2016), в Музее искусств в Лос-Анджелесе и в музее современного искусства в Бордо (2017).

Тироне Маридуэнья Герреро (Tyrone Maridueña Guerrero) родился в 1986 году в Гуаякиле (Эквадор). Окончил Католический университет Гуаякиля. Дебютная книга стихов «Стихи одного Кихота» вышла в 2004 году. В 2016 году удостоен премии поэтического фестиваля «Десант» в своем родном городе.

Светлана Бочавер, Юлия Дрейзис,
Кирилл Корчагин, Артём Серебренников

Сведения о переводчиках

Наталия Азарова родилась в 1956 году в Москве, окончила Московский университет. Доктор филологических наук, руководитель Центра лингвистических исследований мировой поэзии при Институте языкознания РАН, куратор международного фестиваля «Биеннале поэтов в Москве» (2017, 2019). Автор более ста статей по лингвистике, монографий о языке поэзии и философии, а также учебников «Текст» (1995) и «Поэзия» (2016). Автор десяти поэтических книг, среди которых «Революция» (2019), «Календарь» (2014), «Раззавязывание» (2014), «Соло равенства» (2011), «Буквы моря» (2008), «Цветы и птицы» (2006). Отдельными изданиями вышли также ее переводы поэзии Ду Фу (с китайского, 2012) и «Морской оды» Фернандо Пессоа (с португальского, 2016). Лауреат премии Андрея Белого (2014) и премии «Книга года» за учебник «Поэзия» (2016). Стихи Наталии Азаровой переведены на испанский, английский, китайский, немецкий, французский, шведский, румынский, польский, словенский, сербский, латышский, чувашский, голландский языки.

Александр Ануфриев родился в 1985 году в Москве, окончил Московский университет. Кандидат филологических наук, сотрудник Института языкознания РАН. Переводит с испанского и немецкого языков (Г. Гофмансталь, В. Клемм, Э. Штадлер, Х. Р. Хименес и др.).

Владимир Аристов родился в 1950 году в Москве. Окончил Московский физико-технический институт. Доктор физико-математических наук, заведующий сектором кинетической теории газов Вычислительного центра РАН. Опубликовал одиннадцать поэтических книг и два романа, стихи переведены на различные языки, книга стихов издана в США по-английски. Перевёл поэму Йоргоса Сефериса с новогреческого языка, стихи Мехмеда Яшина с турецкого и Майкла Палмера с английского. Лауреат премий имени Алексея Крученых (1993), имени Андрея Белого (2008), «Различие» (2016).

Сергей Батонов родился в 1960 году, окончил Московский институт международных отношений, работает переводчиком с испанского и английского языков, на протяжении одиннадцати лет жил в Перу и на Кубе. Переводил книги по философии, по истории и культуре Востока. В 1998 г. перевел «Дао дэ цзин» с англоязычной версии Р. Блэкни, перевод под названием «Учение о Пути и Благой Силе» неоднократно переиздавался. В 2009—2011 гг. участвовал в проекте альтернативных переводов хайку «Версии».

Денис Безносов родился в 1988 году в Москве. Окончил переводческий факультет Московского независимого эколого-политологического университета. Работал редактором в издательстве «ОГИ», в настоящее время заведует отделом культурных программ и проектной деятельности Российской государственной детской библиотеки. Публиковал стихи в журналах «Новый мир», «Знамя», «Воздух», «Урал» и др., автор книги стихов «Существо» (М.: ОГИ, 2018). Подготовил к изданию двухтомник Тихона Чурилина «Стихотворения и поэмы» (совместно с А. Мирзаевым; 2012), выпустил книгу переводов Вирхилио Пиньеры «Взвешенный остров» (2014), публиковал также переводы современной англоязычной поэзии. Финалист премий «Дебют» (2015) и «Лицей» (2018), лауреат российско-итальянской премии «Bella» (2016).

Светлана Бочавер родилась в 1987 году в Москве. Окончила филологический факультет Московского университета и Оксфордский университет, кандидат филологических наук (диссертация об авангардном театре в России и Испании). С 2011 года работает в Институте языкознания РАН. Автор более 40 работ по современной русской и испанской поэзии, соавтор учебника «Поэзия» (2016). На протяжении многих лет преподавала испанский язык и переводила с английского и испанского. С 2018 года работает в Яндексе. Один из кураторов международного фестиваля «Биеннале поэтов в Москве» (2017, 2019).

Наталья Ванханен родилась в 1951 году в Москве. Окончила филологический факультет Московского университета, работала редактором в издательстве «Художественная литература». Примыкала к поэтической группе «Московское время», выпустила начиная с 1991 года четыре книги стихов. Публиковала переводы испанской и латиноамериканской поэзии начиная с Эпохи Возрождения (Хорхе Манрике, Тереса Авильская) и вплоть до XX века (Габриэла Мистраль, Антонио Мачадо, Висенте Уидобро и многие другие). Кавалер чилийского ордена Габриэлы Мистраль, испанского ордена Гражданских заслуг за вклад в культуру.

Алла Горбунова родилась в 1985 году в Ленинграде. Окончила философский факультет Санкт-Петербургского университета. С 2014 года живёт в Москве. Дебютировала в печати со стихами в 2003 году, в 2005 году была удостоена премии «Дебют» в номинации «поэзия», в 2008 году выпустила первую кни-

гу стихов «Первая любовь, мать Ада», двумя годами позже опубликовала второй сборник «Колодезное вино», вошедший в короткий список Премии Андрея Белого. Изданы еще две книги стихов и сборник прозы «Вещи и ущи» (2017), вошедший в шорт-листы Премии Андрея Белого и премии «НОС», опубликованы сборник стихов в переводе на итальянский и сборник прозы в переводе на болгарский. Участвовала в литературных фестивалях во Франции, Финляндии, США, Сербии, Латвии, Украине, произведения переведены на 13 языков. Выступает также как критик и книжный обозреватель, участвовала в переводе современной китайской поэзии для московского Биеннале поэтов 2017 года.

Светлана Демидова родилась в 1988 году в Твери. Окончила Московский государственный университет печати. Работала в различных популярных периодических изданиях, неоднократно попадала в списки лучших молодых медиаменеджеров России. Публиковала стихи в журналах «Нева», «Студенческий меридиан» и др. В 2018—2019 гг. консультант по изданию книг проекта «Контекст» (Харьков), с 2019 года член редколлегии журнала «Paradigma». Живёт в Москве.

Екатерина Задирко родилась в 1995 году в Москве, окончила бакалавриат историко-филологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (со специализацией по России и Испании) и магистратуру Московской высшей школы социальных и экономических наук по специальности «История советской цивилизации». Автор поэтических сборников «Круговорот» (2014) и «Преодоления» (2016).

Николай Звягинцев родился в 1967 году в Московской области. Окончил Московский архитектурный институт. Первая книга стихов «Спинка пьющего из лужи» издана в 1993 году, за ней последовали еще пять. Стихи переведены на английский, французский, испанский, итальянский, румынский, эстонский и украинский языки. Стипендиат фонда Иосифа Бродского (2009), лауреат премии «Московский счёт» (2013); шорт-лист Премии Андрея Белого (2008).

Геннадий Каневский родился в 1965 году в Москве. Окончил Московский институт радиотехники, электроники и автоматики, работает редактором корпоративного журнала. Первая книга стихов «Провинциальная латынь» вышла в 2001 году, затем были изданы еще шесть сборников и книга избранных стихотворений «Сеанс» (2016). Стихи переводились на английский, итальянский, венгерский, украинский и удмуртский языки. Лауреат премии журнала «Октябрь» (2015). Публикует рецензии и отзывы о текущей поэзии и литературной жизни, удостоен премии «Московский наблюдатель» (2013) как литературный обозреватель. Выступал также с переводами современной англоязычной поэзии (Кей Райан и др.).

Владимир Коркунов родился в 1984 году в Тверской области. Окончил Московский государственный университет приборостроения и информатики и Литературный институт, живёт в Москве. Кандидат филологических наук (диссертация «Кимрский локальный текст в русской литературе», опубликована как монография «Кимры в тексте»). Соредактор журналов «Контекст» (2018—2019) и «Paradigma» (с 2019 г.). Публиковал стихи и рецензии в журналах «Новое литературное обозрение», «Новый мир», «Воздух», «Знамя» и др. Автор книги стихов «Кратковременная потеря речи» (2019). Выступал также как переводчик украинской и румынской поэзии.

Кирилл Корчагин родился в 1986 году в Москве. Окончил Московский институт радиотехники, электроники и автоматики. Кандидат филологических наук (диссертация по стиховедению), соавтор первого в России учебника «Поэзия» (2016). Один из создателей поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка, старший научный сотрудник Института русского языка РАН. Опубликовал книги стихов «Пропозиции» (2011, малая премия «Московский счёт») и «Все вещи мира» (2017). Стихи переведены на английский, испанский, китайский, французский, иврит, польский, словенский, сербский и латышский языки. Автор множества статей о новейшей русской литературе, редактор отдела книжной хроники журнала поэзии «Воздух», удостоен премии Андрея Белого в номинации «Литературные проекты и критика» (2013). Был соучредителем поэтической премии «Различие» (2013—2017), с 2014 года член жюри Премии Андрея Белого. Публиковал поэтические переводы с английского и французского языков, в том числе Майкла Палмера, Клода Руайе-Журну и др.

Дмитрий Кузьмин родился в 1968 году в Москве. Окончил Московский педагогический государственный университет. Кандидат филологических наук (диссертация об однострочной поэзии, опубликована как монография «Русский моностих»), соавтор первого в России учебника «Поэзия» (2016). Преподавал в Принстонском университете и различных учебных заведениях Москвы, с 2014 года живет в Латвии. Основатель и руководитель издательств «АРГО-РИСК» (1993) и «Literature without borders» (2015), сайта «Вавилон» (1997) и журнала «Воздух» (2006), публикующих современную поэзию. Составитель антологий «Очень короткие тексты», «Нестоличная литература», «Освобождённый Улисс: Русская поэзия за пределами России» и др. Организатор многих поэтических фестивалей. В 2008 г. выпустил сборник стихов и переводов «Хорошо быть живым», удостоенную премии «Московский счёт»

за лучшую дебютную книгу года; издана также книга стихов в переводе на украинский, стихи публиковались в переводе на 14 языков. Переводит современную поэзию с английского, французского, украинского и других языков.

Вячеслав Куприянов родился в 1939 году в Новосибирске. Учился в Высшем военно-морском инженерном училище им Ф.Э. Дзержинского, окончил Московский педагогический институт иностранных языков. Первая книга стихов «От первого лица» вышла в 1981 году, изданы несколько десятков книг, в том числе в переводах на немецкий, сербский, армянский, румынский, бенгали и другие языки. В общей сложности произведения Куприянова переведены более чем на 40 языков. Опубликовал также несколько книг прозы. С начала 1960-х гг. переводит поэзию, преимущественно немецкую; в переводе Куприянова выходили книги Р. М. Рильке, Х. М. Энценсбергера, Эриха Фрида, Михаэля Крюгера и др., в 2009 году издан том избранных переводов. Лауреат многих международных премий.

Света Литвак родилась в 1959 году в Коврове Владимирской области. Окончила Ивановское художественное училище, живет в Москве. На протяжении многих лет занимается поэтическим акционизмом и перформансом, часто в соавторстве с Николаем Байтовым. Участница выставок живописи, графики и бук-арта. Автор нескольких стихотворных сборников, первый из которых, «Песни ученика», вышел в 1994 году. Публиковала переводы стихотворений Стефана Георге.

Мария Малиновская родилась в 1994 году в Гомеле. Окончила Литературный институт и магистратуру Российского государственного гуманитарного университета, живет в Москве. Несколько лет заведовала отделом поэзии интернет-журнала «Лиterraтура», с 2019 г. куратор литературной студии сайта «Новая карта русской литературы». Публиковала стихи в журналах «[Транслит]», «Носорог», «Воздух», «Зеркало» и др. Участвовала в поэтических фестивалях в Великобритании и Норвегии, выступала как переводчик различной современной поэзии.

Иван Мишутин родился в 1990 году в Курске. Окончил Литературный институт и Московский государственный лингвистический университет, живет в Подмосковье. Работал курьером, корректором, копирайтером, переводил художественную литературу. Стихи и лирическсая проза публиковались в журналах «Новый мир», «Воздух», «Арион», в Интернете.

Мария Надъярных родилась в 1963 году в Москве. Окончила Московский университет. Кандидат филологических наук (диссертация «Бразильская литература XX века: проблема становления национальной традиции»), старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН. Автор многочисленных научных публикаций по вопросам латиноамериканской литературы и литературной теории.

Анна Орлицкая родилась в 1988 году. Окончила Институт лингвистики Российского государственного гуманитарного университета. Публиковала стихи в периодике, вошла в шорт-лист премии «Дебют» (2010). Выступала как критик, была куратором ежегодного Фестиваля университетской поэзии. Соредактор антологии «Современный русский свободный стих» (2019). В переводе Орлицкой печатались стихи Леопольдо Марии Панеро.

Андрей Сен-Сеньков родился в 1968 году в Таджикистане. Окончил Ярославский медицинский институт, живет в Москве, работает врачом. В 1995 году выпустил первую книгу стихов «Деревце на склоне слезы», за которой последовали девять книг стихов и две книги малой прозы, а также книга для детей. Лауреат Второго Тургеневского фестиваля малой прозы (2006), в 2018 году удостоен Премии Андрея Белого за книгу избранного «Стихотворения, красивые в профиль». В 2015 году издана книга стихов в переводе на английский язык, получившая премию американского ПЕН-клуба как лучшая переводная поэтическая книга года. Переводит поэзию с английского, сербского и других языков, опубликовал, в частности, книгу Чарльза Резникоффа «Холокост».

Артём Серебренников родился в 1985 году в Москве. Окончил Московский и Оксфордский университеты. Кандидат филологических наук, доктор философии (DPhil), доцент Высшей школы экономики. Переводит с испанского, английского и французского языков, в том числе поэзию Франсуа Вийона, Луиса де Гонгоры, Роберта Бёрнса, Уильяма Блейка, Стефана Малларме.

Жанна Тевлина родилась в Москве. Окончила Московский университет и докторантуру Нью-Йоркского университета по испанской филологии, диссертация «Хулио Кортасар — переводчик прозы Эдгара По». В 2000—2011 гг. преподавала в Хайфском университете. В настоящее время преподаватель департамента языковой подготовки Финансового университета при Правительстве России. Внештатный корреспондент нескольких московских и израильских изданий, автор двух романов.

поэзия латинской америки сегодня

Оформление: И. Бернштейн, А. Лазарев
Вёрстка: С. Валишин